

Андрей Валентинов
Мне не больно
Серия «Око силы»
Серия «Око Силы. Вторая
трилогия. 1937–1938 годы», книга 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=127293

Андрей Валентинов. Око силы. Вторая трилогия. 1937-1938 годы: Эксмо-Пресс; Москва; 2001
ISBN 5-04-008325-4

Аннотация

Странная пещера в крымских горах и засекреченный научный институт под Москвой – что связывает их? Что ищут в Крыму вооруженные до зубов шпионы фашистской Германии? И каким увидят Советский Союз конца тридцатых годов разведчики, прибывшие с далекой планеты, где несколько десятилетий тому назад обосновалась небольшая российская колония?

Содержание

Глава 1. Командировка	5
Глава 2. Чиф	18
Глава 3. Яйла	30
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Андрей Валентинов

Мне не больно...

Око Силы. Вторая трилогия

1937–1938 годы

Книга пятая

Глава 1. Командировка

Кабинет был огромен, а маленький скуластый человечек, утонувший в глубоком кресле, казался карликом. Его острый короткий подбородок почти касался зеленого сукна, и над поверхностью возвышалась лишь бледная физиономия с когда-то голубыми, а теперь выцветшими глазами. Могло показаться, что карлик случайно забрел в кабинет, предназначенный для куда более представительных особ, и даже малиновые петлицы с большими звездами на новой гимнастерке дорогого сукна не придавали человечку солидности. Впрочем, тот, кто попадал в этот кабинет, редко пускался в подобные рассуждения, ибо звали человечка Николаем Ивановичем Ежовым и был он народным комиссаром внутренних дел СССР, хозяином огромного здания в самом центре Столицы, обычно именуемого Большим Домом.

В этот день настроение наркома было не самое худшее. На узких бледных губах иногда проскальзывала улыбка, что было хорошим знаком для тех, кто оказывался в этом кабинете.

Старший лейтенант Михаил Александрович Ахилло стоял по стойке «смирно», стараясь ничем не выдать своих чувств. Чувства же были не из самых приятных: внезапный вызов, недоуменный взгляд секретаря и, наконец, приглашение «на ковер». Ковер, правда, был хорош: большой, почти на весь кабинет, когда-то присланный из освобожденной Бухары самому товарищу Дзержинскому...

– Здравствуйте, товарищ Ахилло!

По скуластому лицу промелькнула улыбка, карлик встал и пожал Михаилу руку. Все это было добрым знаком, ибо с теми, кто проштрафился, нарком редко бывал вежлив. Последовало уставное: «Здравия желаю!», Ежов кивнул и указал на стул.

– Курите...

Сам нарком не курил, и подобное приглашение тоже было неплохим знаком. Михаил не стал отказываться – папироса настраивала на рабочий лад.

– Товарищ Ахилло, чем сейчас занимается группа «Вандея»?

Тон, каким был задан вопрос, не обещал ничего опасного. Михаил даже позволил себе слегка пожать плечами, прежде чем доложить об успехах. Они были минимальны: работа по материалам с мест, анализ вредительских групп в Столице...

– Товарищ народный комиссар, после исчезновения старшего лейтенанта Пустельги в группе остались только двое. Работа идет очень медленно. И кроме того...

Он замялся. Ежов вновь кивнул, на этот раз поощрительно.

– Кроме того, у нас напрасно забрали дело об исчезновении Пустельги. Есть очень большая вероятность, что его похитили люди из «Вандеи»...

– Похитили? – в голосе наркома скользнуло недовольство. – Вы так думаете? Товарищ Ахилло, руководство считает, что в данном случае проявлено опасное благодушие, более того – политическая близорукость и непрофессионализм! Вот, смотрите...

В руках наркома появилась толстая папка с тесемками. Порывшись, Ежов извлек оттуда несколько листов бумаги.

– Это ответ из Ташкента на наш запрос. Старший лейтенант Пустельга проявлял странное благодушие. Он три раза не давал санкции на арест своих сотрудников, которые после его отъезда были тут же обличены как отъявленные враги народа. Уже не говорю, что его контакты, особенно во время зарубежных командировок, были весьма сомнительными...

Ежов чуть скривился и отложил листок в сторону.

– Но даже не это главное. По нашему мнению, Пустельга намеренно тормозил работу группы. За все время – никакого продвижения вперед, если не считать истории с похище-

нием взрывчатки. Да и тут сработал, насколько мне известно, лейтенант Карабаев. Вы что-то хотите сказать, товарищ Ахилло?

– Можно? – Михаил вновь пожал плечами, запоздало сообразив, что спешить с собственным мнением не следует. – Товарищ народный комиссар! Пустельга возглавлял группу чуть больше месяца. За это время нам удалось установить много важных фактов. Сергея, то есть старшего лейтенанта Пустельгу, назначили на эту должность без малейшей подготовки. Он почти не служил до этого в Столице, даже города как следует не знал! По-моему, сама «Вандея» оценила его высоко, как и покойного майора Айзенберга.

Ежов вновь поморщился и медленно встал из-за стола. Михаил тоже вскочил, но, остановленный резким жестом, опустился на стул.

– Понимаю, понимаю, честь мундира и все такое прочее... Вы это бросьте, товарищ Ахилло! Помнится, два года назад вы отказались руководить агентурной группой в Столице...

Михаил встал, вытянув руки по швам. Разговор сворачивал на опасную колею.

– Я читал вашу докладную! Позор! Вы отказывались вербовать агентов среди актеров, видите ли, по этическим соображениям! Удивляюсь, как вы вообще умудрились остаться в органах!..

Ежов закашлялся, потемнел лицом и опустился в кресло. Ахилло по-прежнему стоял неподвижно, стараясь, чтобы ни один мускул на лице не дрогнул. Он знал, что начальство, как и собаки, хорошо чувствует страх и спешит добить ослабевшего.

– Да садитесь вы! – лицо наркома приняло нормальный цвет, он достал из тумбы стола какой-то флакончик и отхлебнул прямо из горлышка. – Садитесь, товарищ Ахилло.

Пришлось сесть, и Михаил вдруг понял, что чувствуют подследственные на допросе. Ощущение оказалось не из приятных.

– В общем, так, – нарком пристукнул ладошкой по зеленому сукну. – Сейчас в распоряжении следствия появились новые данные, которое позволяют предположить, что старший лейтенант Пустельга замешан как минимум в одном серьезном преступлении. Поэтому...

Ежов замолчал, потер зачем-то лоб и снова сморщил физиономию.

– ...коллегия приняла решение расформировать группу «Вандея». Вы и лейтенант Карабаев переходите временно в мое непосредственное распоряжение. Вопросы?

– А кто будет заниматься «Вандеей»?

Вопрос вырвался сам собой, прежде чем Ахилло успел прикусить язык. Нарком дернулся, блеклые глаза сузились:

– Товарищ старший лейтенант!..

Михаил вновь стоял по стойке «смирно». Все это напомнило развлечение некоторых следователей – веселую игру «сесть – встать».

– Вы позволяете себе... Вы думаете, что без вас!..

На Ежова вновь напал кашель, маленькое худое тело задергалось, рука выхватила носовой платок...

– «Вандеей» займется те, кому положено. Это уже не ваша забота!

Михаил понял. Следствие по делу таинственного подполья изъято из ведения Большого Дома! Вот это да! Но кем? Едва ли это обезглавленная военная разведка. Кому же могли передать дело? Не прокуратуре же...

– Я пригласил вас не за этим, – Ежов успокоился, тон его вновь стал мирным, почти отеческим. – Как я уже сказал, вы поступили в мое распоряжение. К работе приступите немедленно... Чаю хотите?

Последние слова так не вязались с предыдущими, что Михаил даже не нашелся, что ответить. Впрочем, обошлось без его согласия. Ежов вызвал секретаря, тот исчез и появился буквально через минуту с шипящим чайником и подносом, на котором горкой лежали сушки.

Ежов пил чай жадно, и Михаил даже испугался, что нарком того и гляди захлебнется кипятком. Самому Ахилло было не до чая. Его не особенно напугал разнос: точно так с ним полтора года назад беседовал Генрих Ягода, и разговор тоже шел о политической близорукости и опасном благодушии. С тех пор Михаил успел получить орден, а бывший нарком уже полгода обживал камеру в Лефортово.

Чай пошел Ежову явно на пользу. Он выпил полный стакан, с хрустом разгрыз сушку и с удовольствием откинулся на спинку мягкого кресла.

– Так вот, товарищ Ахилло. Задание серьезное и очень ответственное...

Начало совершенно не понравилось. Так инструктируют молодого милиционера, посылая на ловлю карманников.

– Как вы уже знаете, полгода назад по предложению товарища Сталина был создан народный комиссариат государственной безопасности. Это решение с одобрением и радостью встречено всем советским народом...

«И вами тоже?» – промелькнуло в голове, но Михаил вовремя укусил себя за кончик излишне болтливого языка. Весь Большой Дом знал, как реагировал Ежов на появление конструирующего наркомата.

– ...Функции НКГБ еще только определяются. Среди прочего, он будет заниматься охраной особо важных объектов...

«Которые ранее охраняли мы», – закончил фразу Михаил, но, естественно, не вслух.

– Среди этих объектов имеется один, о котором и пойдет речь. Это научно-исследовательский институт неподалеку от Столицы. За его безопасность отвечает особая группа «Подольск». Мы не занимаемся его охраной, но все внешние связи находятся под нашим контролем. В результате могут возникать некоторые трения. Вы меня понимаете, товарищ Ахилло?

«Еще бы!» – хотел ответить Михаил, но предпочел отделаться уставным «Так точно!».

– Недавно им понадобился один заключенный, находящийся в Лефортово, которое, как вы знаете, находится в нашем ведении. Однако мы узнали, что руководство объекта будет использовать этого заключенного за пределами охраняемой зоны. Поэтому мы потребовали, чтобы в поездках его сопровождал наш сотрудник. Он же должен следить за поведением заключенного на объекте. Практически наш сотрудник будет выполнять функции связного между нашими ведомствами...

«А заодно, и стукача», – добавил про себя Ахилло. На душе стало совсем скверно, тем более, совершенно очевидно, кто будет этим «нашим сотрудником».

– Итак, вам все ясно?

Блеклые глаза смотрели на Михаила устало и отрешенно. Казалось, нарком только и ждет, что его оставят в покое и не будут приставать с бесконечными заботами. Михаил скрипнул зубами: понижение до роли конвоира и мелкого шпиона было слишком унижительным.

– Товарищ народный комиссар! А какова гарантия того, что я завтра же не буду валяться где-нибудь под откосом? В результате несчастного случая...

Михаил не преувеличивал, прекрасно зная, как относятся спецслужбы к конкурентам, интересующимся их секретами.

– Гарантия, товарищ Ахилло? Мы с вами солдаты партии, и риск – наша профессия... А кроме того, если с вами что-либо случится, мы не сможем гарантировать безопасность их сотрудников, командированных на наши объекты...

Слова о «солдатах партии» Ахилло пропустил мимо ушей, но остальное несколько успокоило. В конце концов, НКГБ придется допустить к своим секретам людей из Большого Дома, иначе им не узнать, чем занимаются их конкуренты.

– Мы рассчитываем на вас, товарищ Ахилло. В свое время вы неплохо провели операцию по обезвреживанию группы Генриха. Надеюсь, на этот раз вы тоже будете на высоте...

Михаил невольно улыбнулся. За группу Генриха он получил орден, а его коллеги из Германии, по непроверенным данным, занесли молодого контрразведчика в список особо опасных сотрудников из ведомства вероятного противника. Было за что: группа Генриха два года получала информацию напрямую из наркомата обороны...

– Я подписал приказ о присвоении вам очередного звания. Поздравляю! Отправляйтесь к Альтману, он вам сообщит все остальное...

Оставалось поблагодарить и удалится. Новый чин, на который Михаил уже перестал надеяться, почему-то не обрадовал. Нарком «кинул» ему «шпалу» явно лишь для того, чтобы его сотрудник в «лазорево» стане выглядел несколько посolidнее. Старший лейтенант для такого поручения смотрелся излишне скромно.

Кабинет Володи Альтмана находился этажом выше, но Михаил зашел туда не сразу, а с небольшой остановкой в курилке, чтобы немного прийти в себя. Кажется, поручение все же не сводилось к конвоированию обычного зэка – полковник Альтман не занимался подобными мелочами. Кроме того, с ним, несмотря на высокий чин и должность, всегда можно поговорить откровенно.

Ахилло не ошибся: Альтман рассказал ему многое, а еще о большем можно было догадаться по вполне понятным намекам. Прежде всего, Сергея Пустельгу действительно зачислили в подозреваемые. Пропавший командир группы «Вандея» прямо обвинялся в связях с нелегалами, вдобавок, что было самым диким, Столичная прокуратура расследовала дело об убийстве, в котором Пустельга значился как главный подозреваемый. Что касается самой «Вандеи», то полковник подтвердил, что Большой Дом отныне не занимается ее поисками. Кое-кто на «самом-самом верху» (понятнее намекнуть невозможно) крайне недоволен результатами расследования, и дело передано, как и подозревал Михаил, в НКГБ. В последний момент Ежов, дабы продемонстрировать старание, снял с должности четырех начальников областных управлений и нескольких видных сотрудников центрального аппарата, но заклятие уже ничего не изменило. Более того, Альтман намекнул, что таинственное подполье «кое-кого наверху» приводит в состояние, близкое к панике, и уже не на Большой Дом, а на госбезопасность возлагаются последние надежды.

Итак, акции малиновых петлиц падали, а лазоревых – возрастали. Вдобавок, НКГБ сумел добиться того, что ряд важных функций, выполнявшихся доселе совместно людьми Ежова и военными, был передан новому наркомату. Этому способствовал провал крупной операции на объекте «Якша», о сути которой достоверно не знал и сам полковник. Во всяком случае, скандал был неимоверный, головы летели градом, и Ахилло мог порадоваться, что не имеет к этому делу никакого отношения.

Правда кое-какие последствия эта неудача имела и для Михаила. Перед началом операции руководство НКГБ конфиденциально попросило передать в их распоряжение одного важного зэка, которого Большой Дом перебрасывал на объект. Нарком отказал, в результате «неизвестные» не только обстреляли группу сопровождения в аэропорту, убив полковника Константина Любченко, но и умудрились осуществить воздушную атаку на спецрейс. Последствий весь этот разбой не имел. «Самый-самый главный» и его представитель товарищ Иванов предпочли сделать вид, что вендетта двух спецслужб их совершенно не касается. Неудивительно, что на этот раз Ежов предпочел пойти на компромисс.

Итак, задание намечалось не из приятных. Альтман сообщил, что нужный «лазоровым петлицам» зэк – бывший работник Коминтерна, а заинтересовался им почему-то новый научный центр, находящийся под опекой НКГБ. Этот объект, проходивший под двусмысленным номером, был известен как «Теплый Стан» или «объект Тернема». Ахилло невольно заинтересовался: о таинственном Тернеме уже приходилось слышать, причем не раз.

Вдобавок полковник сообщил, что нужный зэк содержится не в Лефортово, как сказал нарком, а в Лефортово-бис. Разница заключалась в том, что этот филиал знаменитого узилища был комфортабельным дачным поселком. Фамилия заключенного ни к чему не обязывала – Сидоров, равно как имя и отчество – Петр Петрович.

Михаил получил запечатанный пакет, командировочные и предписание немедленно направляться в конкурирующий наркомат, где ему надлежало найти старшего лейтенанта госбезопасности Ерофеева.

Контора «лазоревых петлиц» несколько удивила. Здесь было тихо, даже как-то глухо. Никто не спешил по коридорам, не было привычных часовых на каждом углу, да и личности попадались все больше в штатском. После проверки документов и долгих расспросов, Ахилло оказался у полуоткрытых дверей кабинета на третьем этаже. Он постучал, услышал: «Валей!» – и не без некоторой опаски переступил порог.

Кабинет был невелик. Половину его занимал огромный стол, возле которого стоял рыжий детина, почему-то в летном комбинезоне. Он был занят делом – собирал немецкий пулемет системы «МГ».

– Чего стоишь? – голос был под стать росту, гулкий и низкий. – Лучше подсоби. Не видишь – заело эту хрень, мать ее! Гансы поганые, наизобретали, тудыть...

Ахилло, решив ничему не удивляться, погрузил пальцы в пулеметное нутро. Особым специалистом он себя не считал, но подобная система была знакома.

– Да не лезь туда, пальцы отшибет! – тут же поморщился хозяин кабинета. – Ты б еще кой чего другое туда вставил. Да не лезь туда, говорю! Тут, наверно, пружина гавкнулась...

Михаил был и сам не рад, что вместо доклада по всей форме занялся бог весть чем, но дела привык доводить до конца. Он аккуратно взял лапищу рыжего детины за рукав и отодвинул в сторону.

– Ты чего? – возмутился тот. – Да я эту машинку...

– Ты еще язык туда вставь! – не выдержал Михаил, иногда умевший попадать в тон. Что случилось с пулеметным затвором, он уже догадался. Последовал щелчок, затвор клацнул, и детина облегченно усмехнулся.

– Ну, молоток! А я эту фигню просмотрел. На тряпку, оботри руки!

Вытирая с пальцев масло, Михаил быстро прикидывал, как действовать дальше. Но рыжий детина перехватил инициативу.

– А ты откуда такой грамотный? Постой, постой да ты же «малиновый»!

Имелся в виду, естественно, цвет петлиц на гимнастерке Михаила.

– Какой есть. Мне, собственно, старшего лейтенанта госбезопасности Ерофеева.

– Я Ерофеев, – сообщил рыжий, оправляя комбинезон. – Ерофеев Кондратий Семенович. А ты чего – капитан Ахилло?

– Не похож?

Михаил, внезапно сообразив, что в документах он по-прежнему старший лейтенант, а на петлицах у него «кубари» вместо «шпалы». Ерофеев, в свою очередь, вытер руки и полез в ящик стола. Оттуда была извлечена папка.

– Ты?

На стол легло несколько фотографий: Михаил вместе с отцом, он же – еще в лейтенантской форме, и совершенно не известный ему снимок, сделанный прямо на улице.

– Вроде ты, – старший лейтенант госбезопасности бросил папку в ящик стола. – Чего не по форме?

– Взаимно.

Ахилло понял, что сесть его не пригласят, и устроился сам на одном из двух имевшихся в кабинете стульев. Ерофеев отодвинул в сторону пулемет и вытащил пачку «Севера».

– Дыми, капитан! Я не в форме, чтоб об эту хрень не замазаться. Заело вчера на стрельбах, а в мастерскую отдавать жаль. Еще испортят!..

– А я – на нелегальном положении, – невозмутимо пояснил Михаил, угощаясь папироской. В ответ послышался довольный смех:

– Это правильно, капитан. Ладно, вино будешь?

– Прямо сейчас?

Снова смех – довольный, с оттенком снисходительности.

– Да я тебе не водку предлагаю, чудило! Винцо «Курдамюр», как раз для знакомства. А вам чего, Николай не позволяет?

Ахилло уже слышал, что «лазоревые петлицы» называли всесильного Ежова просто по имени. Между тем на столе появились стаканы и початая бутылка.

– А закусить? – поинтересовался Михаил, отметив, что вино коллекционное, из самых лучших.

– Тебе что, к «Курдамюру» селедку? – возмутился Ерофеев и, порывшись в тумбе стола, бросил рядом с бутылкой плитку шоколада:

– Для дам, между прочим, держал. Ты чего, может из интеллигентов?

– Из них...

Михаил уже сообразил, что и подобный тон, и дамское винцо – неспроста. В этом учреждении умели «бутафорить», как это именовалось на профессиональном жаргоне, не хуже чем в Большом Доме.

Стаканы цокнули. Вино оказалось превосходным, и Михаил пожалел, что курит «Север», а не что-нибудь более подходящее к случаю.

– Зови меня «майор», – заявил Ерофеев, нюхая кусок шоколада, – так короче будет. А хочешь – зови по фамилии, мне один черт. Приказ читал?

– Чей? – самым невинным тоном осведомился Ахилло.

– Ну, е-мое, наивный! Да вашего Николая! Ты, стало быть, поступаешь в мое распоряжение вместе с зэком. Я – главный! Усек?

– Это с каких еще чертей?

Последовало возмущенное хрипение:

– Ты чего, неграмотный? Тебе прочесть?

– У меня с согласными плохо, майор. В приказе сказано, что я должен сопровождать заключенного...

– Ну да, – кивнул Ерофеев. – А повезу вас я. Так что теперь я для тебя и отец, и мать, и воинский начальник. Распустил вас Николай, смотрю! Давно чистить пора, ой пора!..

В таком тоне о «железной когорте партии» НКВД не решались говорить даже маршалы. За болтовней майора крылись вещи очень серьезные. Так думал не он один: «лазоревые» только ждали приказа, чтобы разорвать на части «малиновых».

– А вас чистить кто будет?

– Нас? – поразился майор. – Да нас то за что? Это вы, как Феликс умер, нюх потеряли. Кирова прошили, «Правый центр» прошили! Только и заслуги, что Тухачевского, гада купленного, скрутили, да и то с чужой помощью! Вам только баб на допросах тискать да конфискат разворовывать!

– Ты что, мою реакцию проверяешь? – невозмутимо отозвался Ахилло.

– Никак, пуганый? – хмыкнул майор.

– Пуганый.

– А-а-а! Чуешь, что Сибирью пахнет! Так ведь все равно не убережешься. У вас в Большом Доме смертность похлеще, чем от холеры. Жрете друг друга, всех головастых выбили, оставили придурков, что ни уха ни рыла в оперативной работе не вяжут!

Крыть было нечем. Рыжий говорил правду.

– Ладно, капитан, забудем. Хлебнем и поехали за твоим Гонжабовым.

Рука Михаила, державшая стакан, дрогнула:

– За каким Гонжабовым?

– А за таким! – майору вновь стало весело. – Который Сидоров. Ты на колесах? Нет? А, все равно, я бы на вашей колыхаге не поехал! Вечно у вас свидетели под откос валяются...

Это тоже было правдой. Гробить лишних свидетелей в автокатастрофах давно уже стало излюбленной методой Большого Дома. Михаил знал, что так убрали начальника охраны Кирова, который был готов дать подробные показания.

– У нас не лучше, – успокоил Ерофеев. – Так что я сам за рулем буду, а перед тем в мотор загляну. Ну, допивай, поехали!

Михаил хотел спросить о деле, но решил не спешить. Не только в Большом Доме стены имели уши.

– Потом поговорим, – понял его Ерофеев. – Ты ведь, вроде, не из комсомольских работников, азбуку знаешь. Орден за что получил?

– За самогонщиков.

– Которые шнапс гнали? – хохотнул майор, и Михаил понял, что здесь знают не только его анкету. – У меня орденов целых два. Второй тоже... за самогонщиков, а вот первый я еще на заставе получил, так что осторожности. Я ведь из погранцов. О Карацупе слышал? Так мы с ним вместе начинали, на одной заставе.

– А ты в качестве кого? – не удержался Ахилло. Ерофеев недоуменно поглядел на него, а затем фыркнул:

– Ты это, значит, про то, что я на четырех лапах бегал? А ты юморист, капитан! Нет, я был помкомвзвода. Потом Карацупа на сверхсрочную пошел, и я тоже... в отряд по борьбе с самогонщиками... Ладно, посиди минутку, поскучай. Можешь обшарить стол, там много интересного...

Майор вышел, оставив Михаила одного. В стол Ахилло, естественно, и не собирался заглядывать, прекрасно понимая, что ничего важного там нет и быть не может. Бывший «погранец» вволю валял дурака, но сам дураком, конечно, не был. Стало обидно: НКГБ брал на службу таких, как Ерофеев, а Большой Дом в последнее время действительно стал набирать сотрудников из партийных и комсомольских стукачей, особенно после того, как кресло наркома занял Ежов, курировавший до 36-го года кадровый отдел ЦК. При его предшественнике Ягоде в НКВД были ребята получше Ерофеева, но почти все они сгинули в никуда вместе с бывшим наркомом.

Майор появился через несколько минут уже при полном параде, в гимнастерке, на которой красовались два ордена Красного Знамени.

– Чтоб уважали! – заметил он, кивая на свой «иконостас».

– А у нас все шпионы ордена цепляют, – невозмутимо отозвался Ахилло. Это было тоже правдой – тот, за которого Михаил получил награду, носил на пиджаке точную копию ордена Ленина.

– Да? Ну и придурки, – махнул лапищей Ерофеев. – Нас еще в спецшколе учили, что лучше внимания к себе не привлекать. В клифте ходить вольготнее... Ладно, руки в ноги – поехали...

Прежде чем сесть в машину, обычную черную «эмку», но с городскими, а не специальными номерами, Ерофеев действительно заглянул в мотор и даже в багажник. Майор не казался трусом, и Ахилло рассудил, что им в самом деле есть чего опасаться.

Ахилло ни разу не был в Лефортово-бис, а потому с интересом поглядывал в окно. Впрочем, понять что-либо было сложно. Ерофеев, не жалея бензина, крутил по городу, проверяя, нет ли «хвоста». Наконец машина вырулила на проспект Кирова и помчалась на юг.

– Береженого бог бережет, – усмехнулся майор, нажимая на газ. – Ладно, вскрывай свой пакет, самое время.

Ахилло не возражал. В пакете оказалась копия приказа Ежова о его командировке, документ на выдачу арестованного Петра Петровича Сидорова и обычная бумага ко всем организациям и учреждениям с просьбой оказывать помощь «предъявителю сего».

– Ты, вроде, спортсмен? – внезапно поинтересовался Ерофеев. – Разрядник?

– Я?! – поразился Ахилло. – Ах да, по туризму. Второй разряд, я его лет пять назад получил.

– А я думал, по альпинизму! – в голосе рыжего прозвучало разочарование. – Туризм, прогулочки...

Понятнее не стало, но капитан решил пока не вдаваться в расспросы. Между тем, машина промчалась проспектом и теперь блуждала по пригородам. Наконец впереди открылось шоссе – они были уже за пределами столицы. Несколько раз Ерофеев оглядывался, но сзади было пусто.

Наконец, возле неприметного столбика с надписью «Пионерлагерь „Тельмановец“», машина притормозила, повернула и покатила по узкой дороге между деревьев. Вскоре их остановил первый пост. Документы изучали долго, заглянули в багажник, на заднее сиденье и лишь затем разрешили ехать дальше.

Это повторялось дважды, прежде чем машина подкатила к высоким воротам, за которыми можно было разглядеть домики небольшого дачного поселка. Охраны, кроме тех, что стояли у ворот, было не видно, и вообще, филиал зловещей тюрьмы производил весьма идиллическое впечатление.

– Жируют, вражины! – прокомментировал Ерофеев, пока охрана в очередной раз рылась в багажнике. – А знаешь, капитан, здесь не было ни одной попытки побега. Смекаешь почему?

– Кормят неплохо, – предположил Михаил. – Кино по субботам...

– Кино! – хохотнул Ерофеев. – Да просто тут собрали тех, кому на воле опаснее, чем здесь!

Переспрашивать Ахилло не стал, ибо и сам догадывался о чем-то подобном.

Наконец их пропустили. Машину, естественно, оставили у ворот, но сопровождающего не дали, указав на один из домиков, где и проживал ЗК Сидоров Петр Петрович.

Домик оказался небольшим, кирпичным, с миниатюрной верандой и цветником у входа, на котором сиротливо мерзли осенние астры. Ерофеев уже ступил на крыльцо, но Ахилло тронул его за плечо.

– Я сам.

– Чего? – не понял тот. – Ну давай, давай – только не испугайся.

Дверь оказалась не заперта. Короткий коридор вел в небольшую комнату, оказавшуюся оранжереей. Странные, неведомые в этих широтах, растения вытягивали воздушные корни из деревянных кадок, с темно-зеленых веток смотрели огромные желтые цветы... За оранжереей была еще одна комната. Михаил постучал и открыл дверь.

Сначала он увидел огоньки – маленькие, трепещущие. Окна были завешаны толстой черной тканью, и комната освещалась небольшими свечами, стоящими по углам. Неровный свет падал на большое, в человеческий рост, изваяние Будды. Улыбающееся лицо бесстрастно глядело в темноту. Михаилу внезапно показалось, что бурхан сделан из чистого золота...

Напротив изваяния в такой же позе, скрестив ноги и положив руки на колени, застыл человек в темном халате и небольшой шапочке, похожей на тибетейку, но с ровным верхом. Ахилло подождал несколько секунд, но Сидоров Петр Петрович не сделал попытки встать или хотя бы повернуться.

– Гражданин... – Ахилло хотел было сказать «Сидоров», но вспомнил слова майора. – Гражданин Гонжабов, я за вами. Собирайтесь.

Человек медленно встал и обернулся. На Михаила глядели узкие темные глаза. Плоское лицо с острыми скулами, желтоватая кожа... Надо было иметь неплохое чувство административного юмора, чтобы назвать этого человека исконно русской фамилией! Михаил прикинул, что ни на китайца, ни на японца заключенный не походил. Разве что на узбека – такой же невысокий, костистый.

– Собирайтесь, – повторил капитан. – У вас есть переодеться во что-нибудь... гражданское?

Темные глаза взглянули спокойно, без страха и даже без особого интереса. Гонжабов медленно кивнул. Михаил не без некоторого облегчения заявил, что будет ждать во дворе и поспешил покинуть странную комнату. Полумрак, свечи и недвижная золотая улыбка Будды произвели на него мрачное впечатление.

– Ну как? – поинтересовался Ерофеев, кутивший у крыльца. – Не испугался?

– Нет. А кто этот... Сидоров?

Майор покосился на Ахилло:

– Это тебе лучше знать, капитан. Ваша добыча!.. Ладно, не киксуй. По Гонжабову знаю вот чего: он бхот, с Тибета, за гражданскую имеет орден, еще один получил в 31-м за научные достижения, был членом тибетской секции Коминтерна. Взяли его ваши год назад – как германского шпиона. Дали «четвертак» и отправили сюда.

Ясности не прибавилось. О бхотах Ахилло даже не слышал, а золотой бурхан Будды плохо ассоциировался с научными исследованиями.

– Он что, Тернему понадобился?

Михаил ожидал, что майор будет по-прежнему темнить, но Ерофеев спокойно и внушительно подтвердил:

– Именно так. Гражданин Тернем приказал командировать гражданина Гонжабова с целью научной экспертизы.

Привычное ухо уловило: «гражданин Тернем».

– Что, Тернем... тоже на тюрположении? До сих пор?

– А ты как хотел, капитан? Ваши же брали, ваши же срок впаяли. Скоро всю страну пересажаете, мать вашу, железная когорта!

– Это, кажется, из Троцкого? – удивился Ахилло. – «Железная когорта партии»?

– Че, бдительный? – скривился майор. – Ну, давай, давай! Мой батя Троцкого на фронте, между прочим, встречал – и не раз. Может, он и Иуда, но по кабинетам не прятался. Как некоторые, не будем называть...

– Можешь написать, что на провокации я не отреагировал, – Михаил вновь отвернулся. – Между прочим, где вы все такие умные были десять лет назад, когда Объединенная оппозиция пыталась на улицу выйти? Тогда не поздно было!..

– И ты напиши, что на провокационные разговоры майор Ерофеев ответил нецензурной бранью и проклятиями по адресу врагов народа... А десять лет назад я еще мальчишкой был, дураком, в общем. Да что теперь говорить – для нас что ни поп, то батька!..

То, что Ерофеев высказал вслух, думали многие. Ахилло догадывался, что о Льве Революции жалеют, но что-либо менять было поздно. Королей не выбирают – им служат...

Дверь отворилась, и на крыльцо вышел Гонжабов. Теперь на нем был обычный штатский костюм, шляпа и накинутое на плечи серенькое пальтишко. В этом наряде бхот смотрелся убого – маленький человечек, похожий на среднеазиатского колхозника, приехавшего на ВДНХ.

Увидев майора, Гонжабов равнодушно кивнул. Ерофеев внимательно оглядел зэка, кивнул в ответ, и все трое направились к воротам.

Заполнение бумаг заняло немало времени, и в город возвращались уже в сумерках. Майор молчал, Ахилло, сидевший на заднем сиденье рядом с Гонжабовым, тоже не спешил начинать разговор. Командировка обещала быть необычной. За Гонжабова Михаил отвечал головой, а между тем, не имел даже наручников для конвоирования. Правда то, что после возвращения удастся заглянуть в таинственную контору Тернема, кое-как примиряло с происходящим.

...Ахилло любил острые ощущения, тайны и риск. Восемь лет назад это и подтолкнуло его бросить экономический факультет Института народного хозяйства и написать заявление в спецшколу. Правда, не только это. Ахилло рано понял, что впереди страну ждут нелегкие годы, а значит, лучше быть внутри Системы, чем вне ее. К самой политике Михаил относился индифферентно, питая к фанатикам легкое отвращение. Первые годы службы в органах оправдали ожидания, но с 35-го, а особенно с 36-го, он все чаще стал испытывать разочарование и даже страх. Система явно выходила из-под контроля. Ягода был груб и жесток, но это все же лучше, чем истерика и непрофессионализм Ежова. Сложная, точная машина, предназначенная для диагностики и терапии, какой Ахилло видел контрразведку, быстро превращалась в паровой каток, давящий с одинаково тупой жестокостью и чужих и своих. Для Михаила оставалось загадкой, кто сидит за рулем – не Ежов же, в самом деле! Он был даже рад, что временно отстранен от оперативной работы. Быть представителем «малиновых» в кубле «лазоревых» дело опасное, но не опаснее ежедневного риска в Большом Доме, где, вместо того, чтобы искать врага, руководство начинало отстрел своих.

Всю дорогу Гонжабов ни разу не повернул головы, так и просидев неподвижно, прикрыв глаза и застегнув пальтишко до самого горла. Похоже, таинственного зэка совсем не интересовало, куда и зачем они направляются. Автомобиль долго блуждал по столичным улицам и наконец свернул в один из темных дворов. Все трое вышли из машины, и майор кивнул на ближайший подъезд.

В одной из квартир второго этажа их ждал молчаливый парень в штатском. Каждому был вручен комплект удобной теплой одежды, горные ботинки, и в придачу – легкая, почти невесомая куртка с капюшоном. Ко всему этому полагался также рюкзак, где уже лежали консервы и спальник.

Удивляться было некогда. Майор торопил, и Михаил, быстро переодевшись, вышел с Ерофеевым в другую комнату. Там уже был накрыт стол.

– Перекусим, – кивнул майор. – Да, у тебя какой ствол?

Михаил извлек из прикрепленной под мышкой кобуры наган. Ерофеев скривился:

– Хлопушка! На, держи!

В руках у Ерофеева оказался новенький парабеллум.

– А может, пулемет возьмем? – не удержался Ахилло, пристегивая кобуру с пистолетом к поясу. Майор махнул рукой:

– Шутки – шутками, а я бы взял. Да нельзя, засветимся. Разве что в футляре от контрабаса, знаешь, как в кино...

Итак, им предстояло ночевать под открытым небом, и вдобавок, отстреливаться. Михаил был не прочь – все лучше, чем торчать в кабинете!

Наскоро перекусили. Ерофееву и Ахилло была подана отбивная с картошкой, Гонжабову же молчаливый парень поднес тарелку с вареным рисом. Бхот поблагодарил кивком головы. До сих пор он еще не произнес ни единого слова, и Ахилло решил, что тот попросту не говорит по-русски.

Парень в штатском помог отнести вещи в машину, затем притащил откуда-то палатку и присоединил ее к рюкзакам. Ерофеев кивнул, парень сел за руль, и «эмка» тронулась с места.

Все несколько прояснилось на Курском вокзале, где их ждал поезд до Симферополя. Они заняли отдельное купе – билет на четвертое место тоже оказался у майора. Пока Ерофеев откупоривал бутылку, дабы отметить начало их странного путешествия, Михаил прикинул, что палатка, рюкзаки и Симферопольский поезд (равно как его разряд по туризму), все указывало на Крым. Но что можно там искать, да еще вместе с каким-то бхотом?

Пили вдвоем. Гонжабов, как только поезд тронулся, снял ботинки, и поджав ноги, присел на нижнюю полку, прикрыв глаза.

– Хорош? – подмигнул майор. – Он так может месяц просидеть... Ладно, слушай...

Он допил стакан, крякнул и заговорил совсем иначе – спокойно и серьезно:

– О нашей поездке там, куда мы едем, никто не знает – ни наши, ни ваши. Светиться мы не имеем права. Это ясно?

Ахилло кивнул.

– Мы – работники Академии истории материальной культуры. Археологи, в общем. Фамилии оставим те же, а вот документики сменим...

Михаилу было вручено удостоверение с уже вклеенной фотокарточкой, делавшее его старшим лаборантом АИМК СССР им. Марра.

– Вот так. Называть друг друга по званиям запрещается. Ты – стало быть, Михаил, я – Кондрат. Или хочешь по отчеству?

– Запоминать долго, – улыбнулся Ахилло. – А гражданин Сидоров?

Майор подмигнул:

– Будет у нас Рахметом Ибрагимовичем, профессором из Ташкента. Запомнил?

– Это-то я запомнил, – вздохнул Михаил. – Слушай... Кондрат, а все-таки, куда мы едем?

– На Кудыкину гору, – буркнул Ерофеев. – «Куда» – нельзя спрашивать, приметы, что ль, не знаешь?

Ночью не спалось, и Михаил постарался вспомнить последние оперативные данные по Крымской АССР. Аресты хозяйственников-вредителей, смена руководства Верховного Совета, очередная рокировка в головке местного управления НКВД... Но они-то там зачем?

Всю дорогу Гонжабов продолжал молчать, и Ахилло совершенно уверился, что тот не говорит по-русски. Понимать – явно понимал, кивком благодарил за тарелку риса, принесенную из вагона-ресторана, качал головой, когда ему предлагали кофе, и без особого интереса листал предложенный майором «Огонек». Сам Ерофеев, заявив, что перед работой следует отоспаться, завалился на верхнюю полку и захрапел. Спал он, впрочем, чутко, просыпаясь каждый раз, когда в купе кто-то начинал двигаться. Михаил начал скучать. Спасал обильный запас газет и журналов, захваченный в дорогу предусмотрительным майором.

Симферополь показался под вечер следующего дня. На вокзале их встретил мелкий холодный дождь. Пришлось застегнуть куртку и накинуть на голову капюшон. Вдобавок, рюкзак показался неожиданно тяжелым, и Михаил пожалел, что подзабыл прежние туристские навыки.

На вокзале не задержались и, выстояв под морозящим дождем очередь на остановке, подъехали к междугородной автобусной станции. Ерофеев направился в кассу, оставив остальных в маленьком и тесном зале ожидания. Наконец он вернулся и удовлетворенно заметил:

– Порядок! Взял на последний рейс...

Отвечая на недоуменный взгляд Михаила, он подмигнул, уселся рядом и хмыкнул:

– Что? Задолбал тебя тайнами? Ладно, рассказываю. Гражданин Гонжабов, ты тоже слушай...

Маленький бхот не отреагировал. Он глядел прямо перед собой, узкие глаза были полужакрыты. Казалось, он дремлет.

– Значит так... Неделю назад колхозник из села Аксу-кой Карасубазарского района Валилов перегонял стадо с летнего пастбища на Караби-Яйле. Бригадир послал его в ближайшую деревню, Валилов решил подсократить путь и пошел напрямик через горы. Возле горы Чердаш он наткнулся на вход в пещеру. По его рассказу, незадолго до этого случился оползень, часть склона обрушилась, вот вход этот и открылся. Валилов зашел внутрь и кое-чего там обнаружил...

Ерофеев оглянулся, словно опасаясь непрошеного соглядатая.

– Вернувшись в село, Валилов доложил обо всем председателю колхоза, тот сообщил в Симферополь. Однако, пока там чесались, Валилов исчез... Вот, собственно, и все. Наша задача – добраться до горы Чердаш, найти пещеру и обследовать ее. Гражданин Гонжабов привлечен в качестве эксперта. Все ясно?

– Не все, – покачал головой Ахилло. – Что было в пещере?

– Чего было? – недовольно повторил майор. – Хрен его знает, чего там было! Валилов назвал это «Голубой Свет», если с татарского перевести. Вроде столба огня, который поднимается из какой-то дыры. Наше дело туда добраться, а там увидим. Гражданину Тернему нужно – значит нужно!

Михаил не спорил. Теперь их странная поездка действительно приобрела смысл. Он мельком взглянул на Гонжабова, но тот никак не реагировал.

– Пусть поглядит, – кивнул Ерофеев. – Он, говорят, с таким уже встречался. Теперь вот что... Местные силы велено не привлекать. А чтобы по горам не плутать, узнал я один адресок...

Он вновь оглянулся и заговорил совсем тихо:

– Вышел я на этих чудиков-археологов. Один недобитый профессор рассказал, что в Перевальном живет некий Семин Павел Иванович, директор местной школы. Он на этой археологии помешан, и вообще – первый краевед в районе. Семин нам дорогу и объяснит. Наша легенда: мы из Академии истории материальной культуры. Нам сообщили, что в пещере на склоне Чердаша найдены кости палеолитического человека. Знаешь, чего это такое?

– Крымский питекантроп? – хмыкнул Михаил.

Ерофеев сердито покачал головой:

– Ты меня, капитан, не сбивай! Я два дня эту фигню изучал! Питекантроп, он на Яве, Дюбуа его открыл. А здесь подозрение на неандертальца. В Средней Азии уже такая находка имела, вот и наш... Рахмет Ибрагимович будет вроде как эксперт из Ташкента. Рассусоливать не будем, пусть нам этот Семин дорогу опишет, а там мы сами...

– А гражданин Семин часом не японский шпион? – не удержался Михаил, которому вся эта секретность показалась излишней и даже немного смешной.

– И кто это говорит, а? – покачал головой Ерофеев. – Да у вас в НКВД все шпионы! А ежели интересно, могу доложить: Семин Павел Иванович характеризуется положительно. Член партии, активист, отличник народного просвещения. Правда, были сигналы... Первый – будто он не с археологами в экспедиции ходит, а готовит склады с оружием для турецкого десанта...

Ахилло не выдержал и хохотнул. Ерофеев тоже усмехнулся:

– Бред, ясно... Но, между прочим, проверяли – оружие он не складировал. И второе... Он национальность скрывает. По паспорту – русский, а отец из крымчаков. И вот тут, между прочим, правда.

Михаил пожал плечами. Криминала в этом он не видел.

– Ерунда, конечно, – кивнул майор. – Правда, еще говорят, будто дед его был каким-то шаманом. Но я проверял. Крымчаки, они вроде караимов – иудаисты, шаманов у них нет и не было...

Ахилло кивнул, соглашаясь, и тут заметил, что Гонжабов слушает их очень внимательно. Широко открытые темные глаза бхота, казалось, светились недобрым огнем.

Глава 2. Чиф

Молодой человек в теплом осеннем пальто и мягкой шляпе не торопясь вышел из подъезда и еле заметно передернул плечами. Огромный двор был почти пуст, лишь у самого подъезда топтался изрядно прозябший на ноябрьском ветру парень с букетом сиреневых осенних астр. Молодой человек мимоходом посочувствовал незадачливому кавалеру. Погода явно не способствовало свиданию: над городом нависли низкие тяжелые тучи, то и дело срываясь мелким холодным дождем. Вышедший из подъезда оглянулся, бросил быстрый взгляд на окна четвертого этажа и неторопливо зашагал вдоль гигантского дома.

Он мог быть доволен. Тот, кто смотрел ему вслед из окна четвертого этажа, выслушал, и, кажется, поверил. Впрочем, радоваться было рано...

Длинный ряд подъездов кончился. Сразу же стало холодней, ветер с набережной ударил прямо в лицо, и молодой человек сунул руки поглубже в карманы. Этот город ему не нравился. Не нравился холод, серые безликие дома, дребезжащий транспорт, а главное – люди. Он знал, что здесь, в этом городе, в этой стране и на этой планете, будет нелегко, но даже не предполагал – насколько.

Можно было добраться до ближайшей трамвайной остановки, но молодой человек предпочел пройти пешком. Он все еще не мог заставить себя втискиваться в забитые хмурыми злыми людьми трамвайные утробы.

Молодого человека крестили Иваном, но так называл его только отец, и то изредка. Для матери он был Жанно, для одноклассников – Джон, а после того, как он возглавил команду по бейсболу, за ним прочно утвердилась кличка Чиф. В конце концов так стал называть его даже отец, обычно не терпевший американизмов. Отвращение ко всему американскому отличало практически все старшее поколение. С тем большим пылом их чада учили английский, засматривали до дыр изредка попадавшие к ним американские журналы и называли друг друга именами и кличками, взятыми из голливудских кинофильмов.

Когда Чифу, тогда еще просто Джону, исполнилось четырнадцать, разразилась первая буря. Молодежь Свято-Александровска, давно уже перекрестившая свой родной город в «Сент-Алекс», потребовала введения в гимназиях английского языка вместо всем осточертевшего французского. Департамент образования отмахнулся, и тут ударила забастовка. Мальчишки и девчонки выставили пикеты у здания парламента и у резиденции Председателя Думы, которого они предпочитали называть Президентом или просто Дядей Сэмом, заявив, что не вернутся в школы до полной победы. Стачком, в котором Чиф представлял свою гимназию, объявил, что дает месяц на размышление, после чего «Генерация» – молодежь Свято-Александровска – переселится в долину Больших Ветров, дабы основать новый город, где языком общения станет исключительно английский.

Дело стало нешуточным. Оппозиция потребовала от правительства начала переговоров со стачкомом, а председатель социалистической партии Железный Генри заявил, что готов лично переселиться вместе с молодежью подальше от мест, где не соблюдают права человека.

Все, конечно, устроилось. Дядя Сэм нажал на консерваторов в правительстве, а стачком – на экстремистов из младших классов. Английский язык был введен наравне с французским, чада вернулись в школы, а политические партии стали срочно переписывать свои программы, добавляя в них требования, касавшиеся молодежи.

Чиф имел прямое отношение к столь успешному завершению стачки. Решающие переговоры происходили у него на кухне. Это было тем легче, что Железный Генри, директор единственного в Сент-Алексе завода и бессменный глава соцпартии, был его отцом, а Пре-

зидент Сэм – крестным. Представители стачкома пили чай, заваренный Тетей Полли – мамой Чифа, а Железный Генри и Дядя Сэм, отсмеявшись и отвспоминав прежние деньки, внезапно стали серьезными, и Президент, кивнув на довольных победой забастовщиков, негромко бросил: «А ведь выросли! А, Степан?» Железный Генри, он же Степан Иванович, коротко кивнул и покачал головой:

– Выросли-то, выросли... Мы в их возрасте другим занимались. Английский им, американский!..

Представители стачкома обиделись. Они, конечно, знали, что Железный Генри – герой, Дядя Сэм – тоже герой, об их подвигах им рассказывали на уроках истории. Но введение английского, языка свободных людей, казалось задачей важной и первоочередной. «Генерация», первое поколение родившихся на этой земле, пробовала силы. Потом уже была экспедиция в глубину Черных Гор, бросок на Бессмертный остров, Знаки Доблести, полученные из рук Президента. Но их первую победу Чиф запомнил на всю жизнь. Тогда это казалось таким необходимым – изучение английского, отмена школьной формы, право ходить на вечерние киносеансы без родителей...

Чиф постоял несколько минут у чугунных перил набережной, глядя на покрытую оспинками дождя медленно текущую реку. За рекой тянулись громады серых домов, из черных труб поднимались клубы белесого дыма, откуда-то издалека доносились паровозные гудки. Родина предков... Чиф немало знал о ней все – из книг, из рассказов старших, но увиденное все же поразило. Он не ожидал такого серого неба, таких хмурых зданий и таких людей.

В ближайшем киоске Чиф купил в киоске свежую «Правду». В свое время его весьма шокировало столь претенциозное название. Отец пытался объяснять ему особенности пропаганды среди отсталого пролетариата, рассказывал про своего давнего знакомого Николая Ивановича Бухарина, этой «Правдой» руководившего, но его старания пропали даром: Чиф заранее ощущал антипатию к столь самодовольной газете. Однако теперь чтение «Правды» стало необходимостью, хотя бы потому, что все остальные газеты этой страны можно было вообще не открывать – писали они абсолютно то же самое, только еще беспомощнее.

Итак, какова ныне в здешних местах «Правда»? Чиф бегло просмотрел передовую статью с броским заголовком «Навстречу славному юбилею» и спрятал газету в карман пальто. Интересно, как бы смотрелся в «Правде» репортаж об их забастовке? Наверняка что-нибудь вроде: «Бунт буржуйских сынков». Здесь, в бывшей России, называвшейся ныне непронизосимым именем «СССР», шутить не любили. Молодежь выступала на собраниях, заявляла в НКВД на своих родителей и учила немецкий – язык вероятного противника.

Родина предков оставалась чужой. Чиф заставлял себя вспоминать, что здесь есть тысячи и тысячи, ради которых он и прибыл сюда, но помогало мало. Тут не было друзей. Даже тот, с которым он совсем недавно разговаривал, почему-то испугался и по сути не ответил ни на один его вопрос, лишь написал на бумажке номер телефона и время, когда следовало позвонить. Может, боялся, что их подслушивают? Но сколько же требовалось средств и сил, чтобы организовать прослушивание частных квартир! Да и зачем? Чиф вспомнил уроки политологии в старших классах, рассуждения учителей о сущности тоталитарного государства и невольно поежился. Тогда это казалось сказкой, скучной и нереальной – три основные группировки руководства, бюрократическая пирамида, постоянная сменяемость кадров, система, державшая в напряжении эти самые кадры... На экзамене никому не хотелось отвечать на подобный билет. Увы, теперь приходилось вспоминать все читанное и слышанное. Итак, три группировки... Прежде всего, партийная бюрократия, обескровленная последней волной репрессий. Затем военные – их позиции тоже ослабели после процесса Тухачевского. И наконец, система, державшая всю пирамиду в напряжении – НКВД и НКГБ. Машина про-

стая, мощная и самовоспроизводящаяся... И – люди. Как сказал здешний лидер – «винтики и колесики». Те самые люди, к которым Чиф и его товарищи и прибыли, хотя никто их не приглашал, не ждал и едва ли был рад.

Дойдя до улицы Горького, Чиф прошел пару кварталов, пробираясь сквозь шумную толпу, и нырнул в метро. Метро – это единственное, что нравилось ему в Столице. В Сент-Алексе такого не было. Ни к чему – весь город можно пройти за полчаса, почти у каждого имелся велосипед или мотоцикл, а в последние годы завод, которым руководил Железный Генри, исправно снабжал всех желающих электромобилями. Но Чиф все равно испытывал зависть, попадая на движущуюся ленту эскалатора. Смущали лишь нелепые статуи на станциях – темные, жуткие, похожие на первобытных идолов...

Выйдя на конечной, Чиф нерешительно взглянул в сторону остановившегося поблизости трамвая, но так и не решился нырнуть в людской водоворот. Толпа его пугала. Там, где он вырос, люди почти никогда не собирались беспорядочной кучей, разве что на стадионе, после очередного футбольного или бейсбольного матча. Чиф посмотрел на часы, прикидывая, за сколько он доберется, и тут же заметил, как один из прохожих бросил на него недоуменный взгляд. Чиф мысленно выругал себя: здесь, в Столице, таких часов не носили. Давно надо было купить местные, но он никак не мог привыкнуть к нелепому допотопному циферблату и необходимости каждое утро заводить тикающий механизм. Часы, новенькие, с миниатюрной электрической батареей, подарил ему отец как раз перед тем как Чиф написал заявление на имя Президента Сэма с просьбой зачислить его в группу «Пространственного Луча».

Итак, он пошел пешком, огибая огромный новый стадион. Стадион был не плох, удивляло лишь то, что принадлежал он местной полиции. Впрочем, к подобным странностям своей исторической родины уже следовало привыкнуть.

Дорога вела сквозь небольшой парк, вдоль пустынных в этот час улочек, где жили рабочие с окрестных заводов, мимо самих заводов, огромных, грязных, с безобразными трубами, мимо брошенных краснокирпичных церквей со сбитыми крестами. Впереди был огромный пустырь, за которым тянулся старый, местами разрушенный забор. За ним когда-то находилась фабрика, но уже несколько лет, как станки были вывезены, деревянные перегородки разобраны, и от прежнего остались лишь холодные мертвые корпуса. Вечерами здесь собиралось окрестное хулиганье, но днем лишь вороны оживляли мертвую тишину брошенного фабричного городка.

Чиф прошелся вдоль забора, оглянулся и уже собрался нырнуть в небольшой пролом, как внезапно услышал негромкие быстрые шаги. Кто-то шел с противоположной стороны – высокий, в старом пальто и надвинутой на глаза кепке.

Секунда – и Чиф был уже за кирпичной стеной. Шаги приблизились, затем на мгновение стихли. В проломе показался молодой человек, рассеяно поглядывающий по сторонам. Чиф облегченно вздохнул.

– Я думал, ты уже дома! – произнес он по-английски, запоздало выругав себя за опасную привычку.

– Ты чего, Чиф, в засаде? – парень усмехнулся и взглянул на часы, точно такие же, на батарейках, с табло вместо циферблата.

– Пошли, Бен!

Тот, кого так называли, вновь усмехнулся и покачал головой:

– Чуть не влип! Пойдем, после расскажу...

Говорили по-прежнему по-английски. Бен, которого родители звали Сашей, изъяснялся несколько странно, с грассирующим французским «р», зато с накрепко заученным американским акцентом. Чиф неодобрительно покачал головой:

– Бен, мы этак влипнем. Переходи на русский!..

– Ага. О великий, могучий, свободный... Как там дальше?

Последнюю фразу Бен произнес на языке предков, почему-то напирая на букву «о». Чиф поморщился:

– К тому же, если ты решил изображать мастера, надо бриться лезвиями местного производства.

Бен провел рукой по гладко выбритой щеке.

– Советский пролетарий должен быть слегка выбрит и до синевы пьян. Чиф, слово «мастерской» здесь не употребляют. Надо говорить «рабочий».

Они, не торопясь, шли по еле заметной тропке, которая вела к одному из фабричных корпусов. Пару раз Чиф оглядывался, но предосторожность была излишней: вокруг было совершенно пусто.

– Ладно, Бен, что у тебя стряслось?

Тот нерешительно почесал кончик длинного породистого носа:

– Да так, затмение... Был на вокзале, присматривался к публике...

– На каком?

– На Петербургском...

– Бен! – Чиф даже остановился. – Ты что, забыл?

– Шучу, шучу... На Ленинградском. Да я все помню, Чиф! Улица Горького, переулок Безбожный, Краснопресненская набережная... Антихристов язык!...

Выразительный взгляд заставил его закашляться:

– Понял... Перехожу на советский... Разрешите доложить, товарищ командир группы?

Теперь его русский звучал вполне нормально, с легким «аканьем», как и принято в Столице.

– Я был на Ленинградском вокзале. Присматривался к публике и заодно проверял маскировку. У входа заметил пару «топтунов» из тех, что высматривают приезжих, особенно с «минусом» в паспорте...

– И что, к тебе прицепились? – удивился Чиф. – Бритва подвела?

– Если бы бритва... Решил проверить их бдительность и сделал вид, что пытаюсь спрятаться от патруля... Да не смотри на меня так, Чиф, сам понимаю! Нашу «липу» показывать не хотелось, я и дал деру. Заодно проверил, как здесь бегают...

Теперь они уже стояли возле сорванной с петель двери одного из корпусов. За дверью ничего не было, кроме сырой темноты, в которой угадывались рухнувшие балки перекрытия и покрытые мхом кирпичи.

– Убежал, значит, – помолчав заметил Чиф. – Комментировать не буду, сам все понимаешь...

– Да ясно. Леший попутал! Но их секретную службу мы тоже должны изучить!

– Но не таким же образом! Все, пошли, а то Лу будет волноваться... Вот расскажу ей все!

– Только не ей! – в голосе Бена прозвучало нечто, похожее на испуг. Чиф усмехнулся:

– А надо бы – чтоб за уши оттащила!

Бен протестующе замотал головой, но Чиф лишь хмыкнул и достал из внутреннего кармана небольшой бумажник, а из него – миниатюрный кожаный кошелечек. Секунда – и в руке Чифа блеснул маленький серебристый жетон с фирменным знаком Столичного метрополитена.

– Бен, оглянись на всякий случай.

– Чисто, – сообщил тот, поглядев по сторонам.

Чиф аккуратно приложил серебристый жетон к небольшому углублению в стене. Послышалось еле слышное жужжание, темный провал прохода внезапно стал светлее, в воз-

духе поплыла белесая рябь. Еще секунда – и дверной проем засветился ярким молочным светом.

– Пошли!

Чиф первым шагнул в молочное марево. Бен еще раз оглянулся и последовал за ним. Светящаяся дверь осталась за спиной, а прямо перед ними был уже не заброшенный цех, а лестничная площадка обычного подъезда. Чиф вновь приложил серебристый жетон к стене, свет дрогнул и начал медленно гаснуть. Через минуту на его месте возникла обыкновенная деревянная дверь. У входа лежал аккуратный новенький коврик, рядом стоял большой фикус.

– Вот и дома! – удовлетворенно заметил Бен, подходя к фикусу и пробуя пальцем землю. – Ага, Лу полила!

– Мог бы и сам! – Чиф расстегнул пальто и снял шляпу. – Лодырь несчастный!

– Во-первых, не несчастный, а счастливый, а во-вторых, не лодырь, а гедонист!

Они поднялись на второй этаж, и Чиф легко толкнул одну из дверей. Из прихожей послышалась громкая музыка – в квартире играло радио.

– Лу, мы пришли! – гаркнул Бен, пытаясь заглушить хор Александрова, исполнявший «Марш буденовцев».

– Ботинки снимайте! – донеслось откуда-то со стороны кухни. – Я полы вымыла!..

– Земля предков творит чудеса: Лу вымыла полы! – Бен принялся послушно снимать с ног грязную обувь. Чиф последовал его примеру. Хор Александрова допел последний куплет, на секунду воцарилась тишина, затем послышался перезвон курантов.

– Точность – вежливость королей! – заметил Бен, взглянув на часы. – А вообще-то, Спасская башня чуть спешит. Тебе не кажется?

Чиф не успел ответить. В коридоре появилась та, что спасла от гибели фикус – девушка лет двадцати четырех, худая, высокая. Светлые волосы были коротко подстрижены, а чуть длинноватый нос наглядно свидетельствовал, что ее сходство с Беном – отнюдь не случайность. Люба, окрещенная еще в подготовительном классе новым и достаточно нелепым именем, была его старшей сестрой.

– И не надейтесь, что так будет продолжаться всегда! Полы будем мыть по очереди. И кстати, готовить тоже. Бен, завтра очередь твоя!

– Я вам наготовлю! – без всякого энтузиазма пообещал брат, за что тут же заработал щелчок по лбу.

– Между прочим, я не обязана торчать здесь и обслуживать двух здоровенных лбов! Чиф, я сегодня собиралась в Третьяковку...

– Место женщины – на кухне! – попытался продолжить Бен, но, спасаясь от удара веником, был вынужден скрыться за ближайшей дверью, ведущей в одну из комнат. Лу возмущенно пожала плечами и повернулась, чтобы с достоинством покинуть коридор.

– Постой, Лу, – опомнился Чиф. – Почему – в Третьяковку?

– Ну мы же с тобой говорили, – удивилась девушка. – Там должен работать один человек... Кроме того, хотелось посмотреть, мама с детства рассказывала...

– У тебя еще не готова легенда.

Чиф аккуратно повесил пальто на вешалку, пристроил туда же шляпу и принялся неторопливо расчесывать короткие жесткие волосы, пытаясь придать им какое-то подобие прически.

– Я уже все продумала. Буду учительницей младших классов. Из Тулы. Приехала на курсы повышения квалификации...

– А что, такие курсы имеются? Лу, не торопись! Хватит с меня и твоего брата...

– А что – брата? – из двери высунулась физиономия Бена. – Всегда я виноват! А вот ты, Лу, меньше всего похожа на учительницу!

– Исчезни, – пригрозила сестра и Бен послушно сгинул. – Не будут же у меня спрашивать документы прямо в Третьяковке!

Чиф лишь пожал плечами. Документы были слабым местом группы. Паспорт, что лежал у него в кармане, явно оставлял желать лучшего.

– Ладно, Лу, после поговорим. Лучше бы тебе вообще не куда не выходить...

Девушка хотела вновь возмутиться, но что-то в тоне руководителя группы заставило ее смолчать.

За обедом говорил Бен, рассказывая о виденном на улицах Столицы. То и дело он переходил на английский, но каждый раз спохватывался, ронял: «пардон, пардон», и вновь возвращался к столь мало ценимому им «великому и могучему». Лу время от времени вставляла язвительные замечания, Чиф же упорно молчал, думая о чем-то своем. Наконец девушка это заметила.

– Джон, что случилось?

– Ничего... – вздохнул Чиф. – То есть, не совсем ничего... Я поговорил с тем человеком...

– Ну?! – обрадовался Бен. – Легенда сработала?

– Нет, не сработала. Сыграл в открытую... Я узнал, что сегодня днем он будет дома, а завтра собирается уезжать куда-то на Урал. Жена – на работе, дети, естественно, в школе. Я решил рискнуть. Позвонил – он открыл, пригласил войти...

Чиф замялся, подбирая слова.

– В общем, он испугался. Я вначале не сообразил почему, но затем понял: он попросту меня узнал.

– То есть, как это – узнал? – недоуменно поинтересовался Бен. – Как он мог тебя узнать?

– Я, кажется, поняла, – улыбнулась Лу. – Он ведь знал твоего отца! Ты же точный портрет дяди Генри.

– Похоже, – согласился Чиф. – И вся наша конспирация полетела к черту. Правда я не понял, что его так испугало...

– Может, Железный Генри здесь считается – как это? – врагом трудового народа? – предположил Бен.

Чиф покачал головой:

– Отец бы предупредил... В общем, он старался не показывать виду, пригласил меня в комнату, назвал по фамилии... Пришлось выложить все сразу.

– И... и что? – поторопил приятеля Бен.

– Он ничего не ответил, но затем написал на листке бумаги номер телефона и время. Сегодня в шесть я должен позвонить. Меня будут ждать...

– Но... Это здорово, Чиф! – оживилась Лу. – Именно то, что мы хотели!..

– То есть, как это – ждать? – прервал ее брат. – Кто? Джон, ты что, пойдешь? А вдруг это ловушка?

Чиф пожал плечами:

– Выбора нет. Если что, мою работу продолжишь ты, Бен, а Лу будет отвечать за установку.

За столом повисло молчание. Наконец Бен щелкнул пальцами:

– Раз такой расклад, ходим вместе. Я возьму кое-что из наших маленьких сюрпризов и, случись чего, устрою фейерверк.

– Не устроишь...

– Почему? – удивился Бен. – У здешних опричников до сих пор наганы. Каменный век! Почему это я не устрою?

– Потому что ты останешься здесь. И хватит об этом. Обязанности руководителя группы ты знаешь не хуже меня, если что – справишься...

Разговор оборвался, и обед был закончен в полном молчании.

После обеда Бен заявил, что голые стены комнаты действуют ему на нервы и, притащив свернутый в трубку большой цветной плакат, принялся укреплять его рядом с дверью. На плакате был изображен джентльмен средних лет с серьезным неулыбчивым лицом, украшенным небольшой бородкой. На джентльмене был светлый костюм, причем пиджак оказался весьма демократично расстегнут, а галстук – слегка сдвинут в сторону. Общее впечатление довершали небольшие очки в простой железной оправе. Джентльмен был сфотографирован на фоне белого двухэтажного здания, окруженного высокими, похожими на пинии, деревьями, но не зелеными, а ярко-синими. Внизу красовалась броская надпись: «„Генерация" – за дядю Сэма!»

– Теперь – порядок! – Бен с гордостью оглядел свою работу и повернулся к приятелю. – Чиф, у меня есть плакат Железного Генри. Повесить?

– Как хочешь, – Чиф, листавший толстую, густо исписанную тетрадь, похоже, был совершенно равнодушен к предвыборной агитации. Вскоре с другой стороны двери красовался второй плакат, тоже цветной. На нем был изображен человек, весьма похожий на Чифа, только старше его ровно вдвое. Человек был в пиджаке, столь же демократически расстегнутым, но без галстука, бородки и очков, зато в серой кепке. Большие красные буквы вещали: «Социализм – будущее Тускулы!».

– Теперь – полная демократия! – Бен рухнул в кресло, любуясь. – Джонни, а если бы твой старик победил на выборах, он бы дал добро на нашу вылазку?

Чиф оторвался от тетради и бросил взгляд на плакаты:

– Не дал бы. Сюда бы отправили кого-нибудь постарше.

– Вот именно! – длинный указательный палец Бена наставительно поднялся вверх. – Поэтому мы голосовали за Сэма – и не ошиблись. Между прочим, ты думаешь, дядя Сэм больше верит молодежи?

– Конечно верит, – Лу показала в дверях, с интересом разглядывая плакаты. – Он ведь руководил проектом «Мономах», когда ему и двадцати пяти не было...

– ...Что было вовсе использовано в предвыборной агитации, – подхватил брат. – Эх, Лу! Неужели ты не поняла, что будет?

– А что будет? – удивилась девушка. – Уже есть. Сэм первый предложил снизить избирательный ценз и посылать старшеклассников в дальние экспедиции. Наша группа – лучший пример.

– Пример чего? – усмехнулся Бен. – Пример того, сестричка, что старый Сэм – мудр. Он первый понял одну простую вещь – мы не просто вторая составляющая вечной формулы «отцы и дети»...

– И кто же это мы? – поинтересовался Чиф.

– Тускуланцы! Вернее – земляне. Наша Земля там – на Тускуле.

– Сам придумал?

– А, значит, не понял? – обрадовался Бен. – Вижу, Чиф, твой старик переусердствовал по части марксистского воспитания. Классы, сословия...

– А что? – Чиф отложил тетрадь в сторону. – По-моему, кое-кто даже на Тускуле не забыл дворянского происхождения...

– Не забыли. И многое другое не забыли. Но не в этом дело. Смотрите – чем была Тускула для тех, кто прибыл туда в 16-м? Объектом научного исследования, правильно? А для тех, кто прибыл позже? Местом спасения от большевиков?

– Ну-ну, – подзадорил Чиф.

– А для таких, как твой отец? Местом спасения от Ленина, Сталина и прочих осквернителей истинного социализма. А для нас? Что такое для нас Тускула? Для нас это родная планета – Земля! И другой Земли нам не надо. А эти, на Старой Земле, не братья по классу и не классовые враги, а инопланетяне ...

– Постой, Бен, – Лу растерянно посмотрела на брата, затем на плакат с неулыбчивым Президентом Сэмом. – Ты это что – серьезно? Эти байки я уже слыхала, но здесь же люди живут! Такие же, как мы! Только мы родились на Тускуле...

– Джон, а ты чего молчишь? Ты тоже считаешь, что мы такие же, как и здешние аборигены?

Чиф не ответил. Бен подождал несколько секунд и хмыкнул:

– Ага, молчишь! Эх, Лу! Ты знаешь, что отдел здравоохранения уже несколько лет как засекретил часть своих данных? Догадываешься, из-за чего? Могу подсказать: засекречены результаты ежегодного обследования тех, кто родился на Тускуле. Продолжать?

– Ты хочешь сказать... – подхватила Лу. – Что мы...

– Другие! Это уже видно невооруженным глазом! Смотри!

Он вытащил из кармана две монетки, положил их на ладонь, затем подождал секунду, прикрыл глаза... Монетки начали медленно приподниматься, пока наконец не повисли в воздухе.

– Ну и что? – Лу пожала плечами. – Это каждый может. Мы еще в детском саду...

– Мы! в детском! саду! – отчеканил брат. – Вот именно! А покажи это здесь – что будет? Это телекинез, на Старой Земле – редчайшее явление! А то, что мы не боеем? Травмы, переломы и все прочее – но ни одной болезни, ни простудной, ни инфекционной. Ни одного случая аппендицита!..

– Это не главное, Бен, – наставительно заметила сестра. – Психически мы люди. Эти отличия – мелочь. Мы люди!..

– Мы люди, сестричка, – согласился Бен. – А вот они здесь, на Старой Земле – инопланетяне. Ну, а психически... Лу, ты хочешь остаться здесь, на этой чудной, прекрасной планете? Чтобы навсегда? Не тянет, да? Поэтому дядя Сэм направил сюда нас, а не кого-нибудь из отцов-основателей. Да у них бы просто нервы не выдержали. Как же, родная земля – под игом озверевших большевиков!..

– А ты, значит, академически спокоен, – усмехнулся Чиф.

– Нет, Джонни-бой, я не спокоен. Но все же я знаю, что главное – интересы нашей Земли. И Сэм это знает! Поэтому он сейчас старается побыстрее заменить стариков нами, тускуланцами. Чтоб Тускула стала Тускулой! Он действительно Отец-Основатель – и не нового города или нового государства, а новой цивилизации. Не думайте, что я против помощи здешним аборигенам. Я двумя руками – за. Даже за этот филантропический прожект массового переселения местных страдальцев под наше небо. Но Тускулой должны править тускуланцы! И вообще, планету пора переименовать. Она должна стать Землей – первой и единственной.

– А как ты назовешь Землю? – без всякой иронии спросила Лу.

– Да как угодно, сестричка! Гея, Деметра... Да мало ли кто там еще есть в мифологии? Главное – новое человечество уже существует...

– Гобино, – покачал головой Чиф. – Граф Гобино или Альфред Розенберг. Из твоей сегрегации ничего не выйдет, Бен. В ближайшее время на Тускулу придут сотни, а может и тысячи, землян...

– У них тоже будут дети, – по лицу Бена мелькнула снисходительная улыбка. – А через три года – выборы. «Генерация» выставит своего кандидата в Председатели Думы...

– Тебя? – вздохнула сестра. – Эх, Бен!..

– Не меня, – согласился брат. – Не проголосуют – из-за фамилии. Другого...

– Ты что, Кента имеешь в виду? – поинтересовался Чиф.

Бен вновь снисходительно усмехнулся:

– Мистер Кент унаследовал от дяди Сэма только его серые клетки. Воли у него ни на грош. Мы его сделаем президентом Академии Наук. Нашим кандидатом будешь ты, Джон.

– Угу, – энтузиазма в голосе будущего кандидата не чувствовалось. – Это кто же придумал?

– Сказать? Сам дядя Сэм. Идею он подкинул Кенту, а тот выступил на координационном совете «Генерации». Как раз в твоё отсутствие...

– Дядя Семен? – от удивления Чиф даже назвал крестного его нормальным именем. – Но... Но это же глупо! Я ведь социалист!...

– Я же говорю – дядя Сэм мудр. Для «Генерации» нужен свой лидер. Не монархист, не кадет и не социалист. Ты идеальная фигура, Чиф. Сын Железного Генри, крестник Сэма, племянник командора Лебедева... Между прочим, один из первых среди «Генерации», кто получил Президентский Знак. А то, что ты веришь в светлое будущее, скоро станет неактуальным. Первые выборы ты проиграешь, а потом Сэм уйдет...

– А если я не захочу?

– То есть как – не захочешь? – удивился Бен. – Координационный совет «Генерации» решит – и захочешь. Кроме того, наживка вкусная, Чиф! Тебе придется принимать интересное наследство. Большая Программа Сэма – слышал о такой?

– А-а! – махнул рукой Чиф. – Тоже мне, тайна! Термоядерный синтез, затем реанимация программы «Мономах». Мне отец говорил...

– И это тоже, – согласился Бен. – Но есть и номер три. Молекулярный синтез! Понимаете, о чем речь?

– Безумная идея Кента. – Чиф зевнул. – Он это придумал в шестом классе на контрольной по физике. Синтезирование любого вещества на молекулярном уровне прямо на кухне. В приемник засыпаешь мусор, легкое жужжание – и получаем черную икру.

– Но с ауэритом у него получилось, – возразила Лу. – А ведь тоже не верили!

– Ауэрит – частный случай. А тут понадобится столько энергии... Не говоря о том, что это еще даже не решено на бумаге. Все! За политинформацию – спасибо. Вернусь домой – пойду сборщиком на конвейер....

– Не выйдет! – хмыкнул Бен. – Если дядя Сэм скажет, что ты нужен ему и стране... Это что, тебя еще женят – династическим браком!

– Да ты что, Бен? На ком? – в голосе Лу прозвучала искренняя заинтересованность.

– На дочке лорда Бара. Наши считают, что такой брак поможет смягчить некоторые политические трения.

– На Сью? – возмутилась Лу. – На этой... этой... И вообще, ей только пятнадцать исполнилось!

– Через три года исполнится восемнадцать. Старый Бар сам это придумал. А что – дочь первого пилота «Мономаха» выходит замуж за племянника пилота номер два!

– Но почему Сью? – девушка никак не могла успокоиться. – Эта гордячка... Ее маман ни за что не согласится выдать дочку за сына красного комиссара...

– Дядя Генри – потомственный дворянин, – разочаровал ее брат. – В шестнадцатом году Государь пожаловал всей семье командора Лебедева дворянство. Увы, Лу, забудь и выходи замуж за Кента. Он обыкновенный скромный гений. Мемуары напишешь...

– Все? Почесали языки? – осведомился Чиф, вновь беря в руки тетрадь. – Лу, как прошел контрольный сеанс?

– Канал «А» – хорошо, канал «Б» – удовлетворительно, – сообщила девушка, мгновенно забыв о только что обсуждавшихся матримониальных проблемах. – Были помехи...

– Канал «Б» нам пока не нужен, – заметил Бен. – Но могу посмотреть...

– Посмотри. Вечером повтори сеанс. И вот еще, Бен, на всякий случай... Может понадобится резервный канал. Километров... Ну, в пределах десяти тысяч... Это возможно?

– На Северный Полюс, – кивнул его приятель. – Сделаю... Чиф, а может, тебе не идти? Засветишься ведь!

– Я уже засветился, Бен. Иногда плохо быть так похожим на своих родителей... Все обсудили?

– Кроме Сью, – вмешалась девушка. – Чиф, не вздумай на ней жениться!

– Как скажешь, – пожал плечами руководитель группы. – Бен, вечером никуда не выходите. Если я не вернусь, ждите сутки, потом смените пароль на входе...

– Не выдумывай, Джон! – возмутился Бен.

– Это приказ. Действуй по запасному варианту. И обязательно выйди на Тернема.

– Тестаменты слушать не желаю, – Бен встал. – Будем искать Тернема вместе, тем более, без этого домой мы можем не возвращаться. Дяде Сэму нужны гарантии, что в ближайшие четверть века нас не потревожат...

– Увидим, – Чиф встал и потер затылок. – Посплю-ка часок. Никак не привыкну к здешнему времени...

Когда Бен и Лу остались одни, сестра осторожно прикрыла дверь и, подойдя поближе, негромко проговорила:

– Бен, ты чего спятил? Какие выборы, о чем ты?

– О том, – так же тихо ответил брат. – Дядя Сэм велел с ним поговорить в подходящий момент. А сейчас – самый подходящий, а то его на подвиги потянуло...

Сестра подумала и кивнула:

– Мне это тоже не нравится. Ты не должен отпускать его одного! Пойдешь за ним, а чтобы не убежал...

– Присобачу ему радиомаячок на пальто, – кивнул Бен. – Не учи ученого!

Уже стемнело, когда Чиф вновь появился у знакомого здания с множеством подъездов. Рабочий день кончился, и тротуар возле дома был заполнен людьми. Чиф не спеша прошелся по двору, мельком взглянул на часы вошел в третий с конца подъезд. Вахтер не обратил на него внимания: в этот час мимо проходили десятки людей, да и респектабельный вид модно одетого молодого человека не мог вызвать особых подозрений. Лифтом Чиф пользоваться не стал и легко взбежал на шестой этаж.

...Четыре двери, одинаковые, обитые свежей черной клеенкой. Нужная квартира – первая слева... Странно, но ему назначили встречу в том же доме, хотя и в другом подъезде. На звонок следовало нажимать три раза. Когда Чиф опустил руку, дверь быстро отворилась.

– Заходите!

Сказано было тихо, почти шепотом. В передней было темно, но можно было понять, что встретивший его небольшого роста.

– Я... пальто... – несколько растерялся Чиф, и тут же его подтолкнули куда-то в сторону:

– Там... Пошарьте рукой.

Получалось как-то излишне конспиративно. Не став спорить, Чиф нащупал свободный крючок и пристроил туда пальто со шляпой.

– Пойдемте, пойдемте! – незнакомец явно торопился. Чиф мельком отметил легкий иностранный акцент, то ли немецкий, то ли польский.

Пройдя длинным коридором, они остановились перед закрытой дверью, из-за которой пробивался узкий луч света.

– Ждите здесь!

Дверь отворилась, закрылась вновь, и Чиф остался в коридоре один. Он использовал это время, чтобы привести в порядок прическу. Особого волнения не было, впрочем, как и страха. Скорее, одолевало любопытство.

– Заходите, товарищ!

Дверь открылась, и Чиф шагнул через порог.

Здесь было светлее, но не намного. Огромная комната освещалась небольшой настольной лампой, горевшей вполнакала. Лампа, как ей и полагалось, стояла на столе, большом, напоминающем букву «Т», более подходившем для солидного кабинета, чем для квартиры. Впрочем, помещение и вправду напоминало кабинет. Стены были украшены обязательными в этой стране боролатыми портретами, под которыми висела большая цветная карта СССР. Высокие окна наглухо закрывали тяжелые черные портьеры. За широкой частью Т-образного стола сидели трое. При появлении Чифа все встали.

– Здравствуйте. Проходите, товарищ Косухин!

Невысокий плечистый человек, не спеша, шел навстречу, протягивая руку.

– Чижигов.

Странная фамилия не удивила. Тот, кто так представился, назвал себя «Чижиковым» так же, как он, Иван Степанович Косухин отзывался на «Джона», «Жанно» и «Чифа». Только для Чижикова это не было детской игрой в Америку.

– Тарек.

...Тот, кто встречал его – коротышка, носивший большие роговые очки и говоривший с еле заметным акцентом...

– Иваныч.

«Иваныч» оказался повыше прочих, как раз одного роста с Чифом, зато крепче в плечах и, конечно, значительно старше. Из всех троих он единственный улыбался. Лицо показалось знакомым. Чиф сообразил: Иваныч немного походил на Ленина, с такой же бородкой и лысиной, только лицо было не скуластым и плоским, а типично русским. Легко было догадаться, что из этой тройки Тарек самый младший, если не по возрасту, то по должности, а вот товарищ Чижигов, кажется, главный.

– Садитесь, товарищ Косухин!

Знакомые слова сразу же напомнили центральный комитет соцпартии, куда Иван Косухин привык забегать с детства, навещая отца. Но там не прятались по темным углам, да и стола такого не стояло...

Итак, оставалось присесть, естественно, не у вершины «Т», а сбоку, где и полагалось пребывать гостям. Здесь уважали субординацию, и Чиф понял, что разговор предстоит нелегкий. Не было опыта – дома даже самого Председателя Российской Трудовой Общины Тускулы Семена Аскольдовича Богораза многие в глаза называли Дядей Сэмом...

– Вы чаю хотите, товарищ Косухин?

Отказываться было неудобно, ибо чай явно входил в неперменный ритуал таких встреч. Корсухин ожидал, что за чаем пойдет самый младший, то есть товарищ Тарек, но ошибся. Чижигов поднялся сам, неторопливо вышел в соседнюю комнату и вернулся с большим чайником. Впрочем, для остальных тоже нашлась работа: Иваныч расставил чашки, а Тарек принес сахарницу.

– Вам с коньяком?

– Я... я не пью...

Прозвучало как-то по-детски, несолидно, но трое даже не улыбнулись. Чиф действительно не употреблял алкоголя, впрочем, как и вся молодежь Тускулы. Только в дальних походах, когда температура падала ниже минус двадцати, в дело шел спирт, но это никак нельзя было считать выпивкой.

Товарищ Чижиков вновь встал, не спеша подошел к стоящему у стены шкафу, достав оттуда темную пузатую бутылку. Коньяк достался лишь ему. Ни Иваныч, ни Тарек, очевидно, прав на это не имели.

Итак, сначала чайная церемонии, а уж потом – разговор...

Глава 3. Яйла

До Перевального добрались уже почти в полной темноте. Над близкими горами стало совсем темно, низкие тучи ползли от недалекого моря к Симферополю. Поселок казался пуст и безлюден. Пришлось долго ждать, прежде чем поздний прохожий подсказал адрес директора школы. Нужный дом оказался совсем рядом со школьным зданием, новым, двухэтажным, очевидно, построенным совсем недавно.

На стук отворила молодая женщина, из-за спины которой выглядывала любопытствующая физиономия пацаненка лет семи. Ерофеев представился, и через минуту «археологи» уже знакомились с хозяином. Павел Иванович Семин оказался крепким черноволосым мужчиной лет тридцати, улыбчивым и гостеприимным. Гости были усажены за стол: Семин отказался говорить о делах, пока «археологи» из Столицы не поужинают.

Ахилло с интересом осматривался. Скромное, небогато обставленное жилище краеведа выглядело необычно. Конечно, на стене присутствовал портрет товарища Сталина и несколько грамот в деревянных рамках, зато повсюду, в углах, на серванте и даже на полу, лежали диковинного вида камни, черепки и просто кости. Возле окна стояла большая амфора с отбитым горлом, а рядом красовалась нижняя часть ноги какого-то неведомого зверя, сложенная из скрепленных проволокой костей.

За ужином Михаил предпочел помалкивать. Гонжабов вообще не проронил ни звука, зато Ерофеев говорил без умолку. Ахилло с интересом отметил, что майор старается избегать привычных «крутых» словечек, изъясняясь вполне культурно. Он передал приветы от знакомых директору столичных знаменитостей, сыпал новостями из жизни таинственной науки археологии и даже поведал о своей недавней поездке в Среднюю Азию на научный симпозиум. Было заметно, что майор подготовился к разговору весьма тщательно.

После ужина перешли к делу. Ерофеев вручил хозяину дома письмо от профессора Бонч-Осмоловского, с которым Семин был знаком по совместным крымским экспедициям. Тот явно обрадовался и быстро прочел послание.

– Но ведь это здорово, товарищи! – воскликнул он, аккуратно складывая письмо. – Нижний палеолит в Крыму! Я бы и сам с вами пошел... Но завтра собрание в честь 20-летия Октября, мне выступать...

– Успеете, товарищ Семин! – улыбнулся Ерофеев. – Мы – только разведка. Летом приедет экспедиция, для вас место всегда найдется. А мы пока поглядим. Вот товарищ Гонжабов специально из Ташкента приехал. Он там с профессором Окладниковым работал...

– Правда? – Семин повернулся к невозмутимому бхоту. Тот чуть улыбнулся и кивнул.

– Средняя Азия!.. – горячо проговорил Семин. – Вот где Эльдorado! Тешик-Таш – это же открытие века. Самый северный неандерталец в Азии! Но и у нас... В прошлом году товарищ Бонч-Осмоловский как раз в том районе, что вас интересует, нашел любопытный слой. Это даже не медный век, это настоящий неолит – но там уже была каменная кладка. Даже поверить трудно! Эх, денег бы побольше...

– Не уйдет ваш неолит, товарищ Семин! – авторитетно заявил Ерофеев. – Лично займусь! Ну, давайте взглянем на маршрут...

Стол освободили, майор развернул большую крупномасштабную карту. Семин долго рассматривал ее, потом как-то странно улыбнулся:

– Прекрасная у вас карта, товарищи! Хорошо, смотрите...

Он взял карандаш:

– Маршрут несложный, но сейчас ноябрь, прошли дожди, очень скользко, на Караби не проехать. Поэтому вам лучше добраться к Ангарскому перевалу, там где Чатыр-даг, видите? Отсюда два пути. Можно в обход, а можно через Демерджи...

– Покажите, – прервал его майор, став очень серьезным.

Карандаш забежал по карте. Ахилло кивал: в этих местах ему уже приходилось бывать, на Демерджи он заходил даже дважды, правда летом и совсем с иными целями.

– Через Демерджи ведет дорога до урочища Тырки, затем поворот к реке Малая Бурулча, потом, не доходя Ай-Алексия, снова поворот. Там Караби-Яйла, вам надо пройти ее западным краем. А вот и Чердаш...

Гора на карте казалась маленькой, но отметка говорила, что ее вершина поднимается на высоту более километра.

– По дороге будут пастушьи стоянки, можно ночевать, так что палатка вам понадобится один раз – не больше. А карта окрестностей самой горы у вас есть?

– Увы, – покачал головой Ерофеев. – Поможете?

– Конечно, – улыбнулся Семин. – Вот, смотрите...

На столе появился лист бумаги, и карандаш краевода быстро набросал простую, но вполне ясную схему.

– Вот тропа, она там единственная, идет вдоль подножия. Пещеры могут быть только с западного склона, во всяком случае, оползень был именно там...

Затем еще долго беседовали, причем разговор перешел на столичные новости. Директор оказался заядлым театралом, не пропускавшим во время поездок в Столицу ни одной новой постановки. Тут уж настал черед Михаила, с удовольствием поведавшего о новостях Мельпомены. Семин грустно улыбался, качая головой и сетуя, что едва ли сможет выбраться в Столицу раньше весны.

Гонжабов по-прежнему молчал, казалось, совершенно не интересуясь происходящим. Ерофееву даже пришлось специально упомянуть, что уважаемый профессор из Ташкента, к сожалению, недостаточно владеет русским языком.

...Вышли рано утром, когда на востоке только начинало белеть. Хозяин, пожелав удачи, просил написать о результатах разведки. Ерофеев обещал, крепко пожал руку Павлу Ивановичу и потрепал по непокорной шевелюре вскочившего с постели мальчонку. Сын директора, как выяснилось, тоже мечтает принять участие в летних раскопках, что майором было ему твердо обещано.

– Ну что, капитан, – усмехнулся Ерофеев, когда они оказались на пустом в утренний час шоссе. – Нигде, вроде, не прокололся?

– Преклоняюсь, – кивнул Ахилло. – Я уж было подумал, что ты и в самом деле археолог-любитель.

– А-а! – махнул ручищей майор. – Что археология, что иная хрень! Я как-то под ветеринара работал – вот это был цирк! Знаешь, как в анекдоте определяли, что у лошади запор?

Ерофеев снова стал прежним, маска интеллигента была отброшена, причем с явным облегчением.

– До Ангарского попутку поймает, а там прямо через Демерджи, так короче. Как думаешь, этому Семину можно верить?

Ахилло пожал плечами:

– Думаю, на минное поле он нас не направил. А вообще – интересный человек.

– Мечтатель, – скривился майор. – Толку от них – никакого...

– Он опасен...

От неожиданности Ахилло вздрогнул – говорил Гонжабов. Майор тоже удивился:

– Так ты, значит, по-русски можешь? Так чего молчал?

Бхот даже не повернул головы, словно вопрос был обращен к кому-то другому. Ерофеев, однако, не отставал.

– Нет, ты это, гражданин Гонжабов, брось! Сказал – так объясни. И вообще, чего дурака валяешь? Вместе же идем – команда, вроде!

– Я – узник, вы – тюремщики, – голос зэка был спокоен и бесстрастен. Говорил он с легким акцентом, чуть проглатывая «р».

– Гордый, значит! – Ерофеев явно обиделся. – А я тебе рис специально таскал...

– За рис – спасибо. Не говорил потому, что не спрашивали. Семин вам не поверил.

Ерофеев и Ахилло переглянулись.

– С чего ты взял? – поинтересовался майор. – Телепат, что ли? Мысли читаешь?

– Это нетрудно...

Ерофеев не ответил, и все трое молча зашагали по мокрому пустому шоссе.

– Вот так, Михаил, – проговорил наконец майор. – Чего хочешь, то и думай! Говорил я начальству – нечего дурить, взяли б роту, прочесали все...

Ахилло не стал отвечать. Рота «лазоровых» была, по его мнению, в таком деле совершенно лишней – как и их нелепая конспирация.

Через полчаса их подобрала попутка, небольшой грузовик, направлявшийся в Алушту. До Ангарского доехали, когда позднее утро уже вступало в свои права. Небо над горами стало белым, сквозь деревья проглядывали клочья редящего тумана. Было очень сыро, даже теплые куртки грели плохо.

Майор вытащил карту и принялся осматриваться.

– Туда! – указал он рукой в еле заметный проход между деревьями. – Прямо, затем направо, до речки. Хлебнуть по глотку никто не желает?

Ахилло согласился, Гонжабов только молча покачал головой. Наконец, была выкурена неизбежная перед долгой дорогой папираса, и маленький отряд вступил в сырой горный лес.

Стало еще холоднее. С мокрых деревьев капала вода, ноги скользили по раскисшей земле, вдобавок, дорога вела на подъем, и с непривычки рюкзаки показались свинцовыми. К счастью, сквозь серые тучи начало проглядывать солнце, и идти стало немного веселее.

К полудню спустились вниз, в огромную, поросшую лесом долину. Дальше была небольшая речка, за которой начиналась узкая, в глубоких колеях грунтовка, ведущая к подножию Демерджи. Михаил уже бывал в этих местах, но тогда их подвозили автобусом, да и было это жарким летом, когда не надо надевать теплую куртку и месить ногами холодную грязь.

Подъем был долгим, но не особо трудным. Ерофеев, казалось, не чувствовал усталости, хотя ему пришлось нести не только рюкзак, но и палатку. Гонжабов тоже шагал спокойно, и Михаилу пришло в голову, что бхот родом из горного края, где подобные путешествия обычны. Шли по-прежнему молча, лишь майор время от времени отпускал немудреные шуточки. Гонжабов не обращал на реплики Ерофеева ни малейшего внимания, а Михаил отвечал односложно – он постепенно «втягивался» в маршрут. Рюкзак уже перестал казаться неподъемным, дыхание выровнялось, и Ахилло принялся с интересом осматриваться. Вершина Демерджи была уже над самой головой, нависая темным строем ровных серых скал. Места были знакомые, но без привычных летних красок величие древних гор ощущалось полнее.

За гребнем начиналось плоскогорье – ровное, покрытое желтой осенней травой. Лишь невысокие скалы, похожие на чудовищные ребра, выпирали из-под земли, словно останки вымерших ящеров. Туристы бывали здесь редко, и Ахилло пожалел, что не взял с собой фотоаппарат. На Яйле было пусто, пастухи, гонявшие сюда на выпас овец, уже ушли, чтобы вернуться ранней весной. Странное дело, но Михаил отчего-то почувствовал себя неуютно. Словно бы он переступил некую границу, даже не границу – грань...

Демерджи пересекли уже под вечер. Майор, сверившись с картой, повел группу в сторону одной из скал. У подножия темнел небольшой глинобитный домик – убежище пастухов. Внутри было пусто, сыро и темно, зато имелся очаг и даже небольшой запас дров. Здесь решили остановиться на ночь.

Пока Михаил разводил огонь и ставил котелок, Ерофеев разглядывал карту.

– Завтра больше пройдем, – резюмировал он. – Будет спуск, поднажмем. Можно было и сегодня еще протопать, но там ночевать негде. Простужу еще вас – платков не напасешься...

Внезапно он хмыкнул:

– А сегодня у нас торжественное собрание! Микоян должен приехать, награждать будут. Двадцать лет Октября – не шутка! А мы с тобой, капитан, вроде как сачканули мероприятие.

– Вроде, – согласился Ахилло. – Встречаем юбилей в условиях, приближенных к боевым.

– А то! – согласился майор. – Это поважнее, чем в креслах сидеть. Хорошо, успел батю телеграмму отстучать, он в 17-м в Красной гвардии состоял. В Иркутске. Твердый мужик!

Михаил пожал плечами:

– У меня дядя тоже был красногвардейцем. Его убили как раз на третий день после взятия Зимнего – под Гатчиной...

– Знаю, – кивнул Ерофеев. – В «объективке» твоей написано. А батя твой?

Ахилло невольно усмехнулся. Не особо удачливый актер, Ахилло-старший в октябре 17-го был на гастролях в Твери. Из некоторых намеков Михаил догадывался, что отец встретил победу большевиков далеко не с радостью. Похоже, Ерофеев понял:

– Кое-кто не одну тетрадь исписал про твоего батю, да и про тебя. Что, вы, мол, как редиска – красные только сверху...

– А про тебя писали? – осведомился Михаил, несколько уязвленный подобным снисходительным тоном. Майор приосанился:

– А то! И что мой батя из кулаков, и что я на заставе японцами завербованный, и что комсорга роты послал по матушке. Все писали! Только мне, капитан, на это начхать. И тебе должно быть начхать. Верят нам, а что пишут, так время такое, да и сволочей всяких много. А делу нашему я предан, оттого и в спецшколу пошел. А ты, между прочим, с какой причины в органах?

Ахилло на мгновение задумался.

– Мне казалось, что это работа для умного человека. Люди делятся на тех, кто приказывает, и тех, кому приказывают. Мне хотелось, чтобы первых было меньше, чем вторых.

Майор даже крикнул:

– Ух, не слышит нас начальство! А вообще-то, ты прав...

Тут взгляд его упал на бхота, недвижно сидевшего у горящего огня.

– Слышь, гражданин Гонжабов, ты-то с чего к красным пошел? Ты ведь, вроде, звания духовного? В бога своего, что ли, верить перестал?

– Вы не поймете, – послышался тихий равнодушный голос.

Майор обиделся:

– Так ты постарайся. Может и пойдем.

Легкое пожатие плеч:

– Я был монахом. Однажды ночью ко мне явился Шинджа – царь преисподней. Он сказал, что близится ночь Брахмы, и я призван на службу. А вскоре пришли его посланцы, и я открыл ворота монастыря...

Ахилло от удивления даже привстал, майор же присвистнул и покачал головой:

– Ну, даешь! Да ты же, вроде, красноармеец! И орден у тебя, и в Коминтерне состоял. Партийный, е-мое!

– Каждый называет вещи по-своему. Человек, у которого мы ночевали, понял бы...

– Опять двадцать пять! – возмутился Ерофеев. – Да чем тебе этот Семин не понравился? Ну ладно, смекнул он, что мы не археологи, так что? Обрез возьмет?

– Ему не нужен обрез, – Гонжабов повернул голову, темные глаза блеснули. – Вас он не боится...

– А чего он боится? – поинтересовался Ахилло, но Гонжабов отвернулся, явно не желая отвечать.

За порогом стлался ночной туман. Допив чай, бхот застегнул спальник и мгновенно затих, то ли заснув, то ли притворившись. Ерофеев и Михаил сели на пороге, докуривая папиросы.

– Навязали нам... – негромко проговорил майор, кивая на странного попутчика. – Царь преисподней к нему являлся, мать его! Во фрукт! Стой, капитан, чего это?

Он замер, и в наступившей тишине Михаил услышал далекое гудение мотора.

– Самолет! – прошептал Ерофеев. – Большой... Чего ему тут делать?

– Мало ли... – пожал плечами Ахилло.

– Нет, погоди!

Ерофеев накинул куртку и вышел наружу. Михаил немного удивился, но последовал за ним. Вокруг стояла тьма, клубился редкий туман. Звук моторов стал громче – машина приближалась к плато.

– Кружит! – определил Ерофеев. – Какого черта ему здесь надо?

Михаилу тоже показалось это странным. В Крыму много аэродромов, и военных, и гражданских, но капитан боялся совпадений. Да и зачем поднимать тяжелую машину в туманную ночь?

– А ну-ка погоди! – Ерофеев быстро прошел вперед, туда, где туман был немного реже. Здесь гудение мотора слышалось явственнее, и Ахилло понял, что это большая транспортная машина или мощный бомбардировщик. Внезапно шум стал тише и глуше – самолет уходил.

– Вот! Гляди! Так и знал, мать его! – Ерофеев указал рукой куда-то вверх. Михаил взглянул туда и заметил легкую еле заметную тень.

– Планер! – понял он. – Вот черт!..

– Ага! Где-то рядом сядет, зараза. Ну чего, смекаешь? Может, конечно, учения или там спортсмены, да только не нравится мне это, капитан! Вот чего: спим по очереди и стволы держим наготове. А наутро, как рассветет, поглядим...

Планер нашли быстро. Он стоял за небольшой рощицей, надежно укрытый срубленными ветвями. В кабине было пусто. На фюзеляже чернел номер, крылья отмечены привычными пятиконечными звездами...

– Наш, – констатировал Ерофеев, внимательно осмотрев небесного пришельца, – десантный, человек на шесть. Может, и вправду маневры устроили в честь юбилея, а, капитан?

Ахилло, осмотревший все вокруг, показал Ерофееву два свежих окурка.

– «Казбек», – кивнул тот. – Похоже, летуны заблудились. Или так и задумано? Ты чего, гражданин Гонжабов?

Заключенный и вправду вел себя странно. Он подошел к кабине, поднял руки ладонями вперед и застыл, словно прислушиваясь.

– Гонжабов! Учуйл чего?

– Они издадека, – бхот опустил руки. – Их пятеро.

– Телепат! – хмыкнул Ерофеев. – Ладно, погляжу еще...

Он повозился в кабине, выбрался наружу и сплюнул:

– Оружие у них – маслом наследили. Черт, может и вправду надо было роту с собой брать! Ну чего, пошли дальше, капитан?

Ахилло не возражал, хотя беспокойство не исчезло. Вооруженная группа высадилась на Демерджи. Зачем? На Яйле пусто, планер найдут не скоро...

– Позвоним с первого же телефона, – рассудил Ерофеев. – Все, пошли, и так время потеряли. Идти тихо, смотреть по сторонам... Айда!

Спуск прошел спокойно. Дорога серпантином шла в долину, вокруг была лишь мокрая желтая трава и обросшие мхом валуны. Постепенно стали попадаться деревья, затем небольшие рощи. Майор сверился по карте, сообщив, что они приближаются к урочищу Тырки. Послышалось блеяние, и за поворотом показалось овечье стадо, которое вольно разбрелось по всей округе, пощипывая траву.

– А пастухов не видать! – заметил Ахилло, пробираясь через овечий строй.

– Праздник отмечают, – предположил майор. – Ну, всыплет им начальство! Вон разбежалось войско – полдня собирать надо!..

Послышался лай. Большая мохнатая овчарка бросилась наперерез, распугивая овец.

– Ну ты! – в руках майора блеснул металл. – Пошла, пошла!

– Постой, – Ахилло схватил Ерофеева за руку. – Смотри!

Овчарка и в самом деле вела себя странно. Она тревожно лаяла, отбегая в сторону и вновь возвращаясь, словно приглашая идти следом.

– И вправду, – согласился Ерофеев. – Гонжабов, ты чего?

Бхот, не отвечая, шагнул вперед и поднял руку. Собака замерла. Легкое движение пальцев – она подбежала ближе и жалобно завывала. Гонжабов вновь провел рукой по воздуху, и овчарка послушно присела у его ног.

– Ну прямо Дуров! – покачал головой майор.

Собака взвизгнула, словно пытаясь что-то объяснить, и вновь отбежала в сторону.

– Пошли, – решил Ерофеев, – зря не позовет...

...Тела пастухов – старика и парня лет двадцати – были засыпаны старыми ветками. Неподалеку лежала еще одна собака – мертвая...

– Финкой, – заметил майор осмотрев убитых. – Сзади, прямо в сердце...

– Часа два прошло, – Михаил потрогал холодное тело. – Вот тебе и маневры, майор!

Здесь же удалось найти еще один свежий окурочок.

– Снова «Казбек», – кивнул Ерофеев. – Как думаешь, капитан, наши это или ваши?

– В каком смысле? – не понял Ахилло.

– В прямом. Ваш Ежов мог свою группу послать, смекаешь?

Ахилло не стал спорить: и такое было возможно. Десантники могли получить категорический приказ не оставлять свидетелей. Он еще раз обошел опушку рощи, где нашли убитых. Внезапно среди желтой травы что-то блеснуло. Михаил наклонился.

– Чего там? – заинтересовался майор. Ахилло раскрыл ладонь.

– Зажигалка! Ну, раззявы! Постой, постой, ведь она...

– Немецкая. Ну что, майор, наши или ваши?

Собаку хотели взять с собой, но она все время убегала, не желая оставлять мертвых хозяев. Возиться с ней не было времени – неизвестные опережали группу не менее, чем на два часа. Теперь путь вел мимо невысокого леса. Дорога по-прежнему была пуста, но пару раз встретились знакомые окурки. Уже начинало темнеть, когда дорога свернула направо.

– Сейчас будет Малая Бурулча, – заметил майор, взглянув на карту. – Дальше лес, тропа узкая. Потом Большая Бурулча, там охотничья хижина есть... Черт, знать бы кто эти орлы! Планер наш, папиросы наши...

Шли осторожно, прислушиваясь. Майор впереди, за ним – спокойный и невозмутимый, Гонжабов, Михаилу выпало быть замыкающим. Вечерний лес сомкнулся над головами, узкая тропа едва пробивалась сквозь густой строй невысоких, в толстой черной коре, деревьев. Несколько раз тропа резко обрывалась вниз, приходилось переходить очередной овраг.

До Большой Бурулчи оставалось не более километра, когда Гонжабов внезапно остановился. Удивленный майор уже был готов задать вопрос, но бхот поднял ладонь вверх. Ерофеев нахмурился и достал парабеллум.

...Под ногами негромко потрескивали сучья. Тропа пошла вниз, скатываясь в очередной овраг. В сумраке можно было разглядеть огромные, покрытые мхом камни, на которых каким-то чудом умудрились вырасти уродливые худые деревца, и Михаилу вспомнилось слышанное где-то название: «Танцующий лес». Внезапно Ерофеев, шедший по-прежнему впереди, остановился, покрутил головой, обернулся, чтобы что-то сказать... Не успел. Сверху, с противоположного склона, ударила пулеметная очередь...

...Михаил рухнул на холодную сырую землю, выхватывая оружие. Ерофеев уже успел упасть, накрыв собой бхота. Пули с треском ударили в стволы деревьев. Секунда – и вновь заговорил пулемет. Ему ответили. Целиться было несложно: яркие огоньки выдавали место засады. Парабеллумы заговорили разом. Еще одна очередь, короткая, тут же оборвавшаяся...

– Черт! За ним! – Ерофеев уже был на ногах. – Гонжабов, на месте!

Они опоздали: тот, кто затаился в засаде между стволами старых, поваленных деревьев, успел уйти. Фонарик высветил темное пятно на земле. Майор нагнулся.

– Кажись, попали!

– Крови много, – согласился Ахилло. – Пулемет распознал?

– Обижаешь! «МГ» – такой же как мы с тобой собирали. Только это, капитан, еще ни фи́га не значит! Пулеметики эти и у наших имеются.

Они вернулись на тропу. Гонжабов уже встал, равнодушно поглядывая по сторонам.

– Чего, цел? – поинтересовался майор.

– Он был один, – негромко проговорил бхот, – но неподалеку были еще трое... Этого вы ранили.

– Шерлок Холмс, – усмехнулся Ерофеев. – Это мы и без твоей телепатии поняли. Только вот кто это, а, капитан?

– Немецкая зажигалка, немецкий пулемет... А вообще-то, мы договорились не упоминать в разговоре званий!

– Поддел, – согласился Ерофеев. – Только мы все равно засветились. За пастухов они нас точно не приняли...

Из оврага выбирались осторожно, но ни на склоне, ни дальше на тропе сюрпризов не оказалось. Михаил по-прежнему шел замыкающим, на этот раз не застегивая кобуры. Теперь он почти не сомневался – впереди чужие. Советские десантники не стали бы пользоваться немецким пулеметом. «МГ» мог быть лишь в спецгруппе НКГБ, но едва ли это ведомство начало охоту за майором Ерофеевым. А вот спецгруппы Большого Дома немецкое оружие не применяли, на что имелся специальный приказ Ежова. Оставалось понять, что нужно немцам среди Крымских гор. Неужели та самая пещера возле Чердаша?

Охотничий домик у Большой Бурулчи оказался пуст. Никаких следов – ни окурков, ни отпечатков подошв. Майор осторожно обошел вокруг хижины, затем вопросительно взглянул на Михаила.

– Лучше не рисковать, – решил тот. – На их месте я так бы и сделал – оставил дом пустым, а ночью...

– Правильно рассуждаешь!.. – согласился Ерофеев. – Ладно, померзнем. Станем поблизости, послушаем...

Огня не разводили. Пришлось проглотить холодную тушенку, запив глотком спирта. Гонжабов от тушенки отказался. Майор, устав уговаривать, сунул ему сухарь, заслужив легкую улыбку и благодарный кивок.

Спирт грел плохо. Спальники пришлось постелить на земле, подложив под них лишь тонкий брезент палатки. Саму палатку майор решил не ставить – слишком заметна, даже в темноте.

Гонжабов уснул сразу, и Михаил позавидовал его нервам. Самому ему не спалось. Мешал холод и особенно сырость: Бурулча, разлившаяся после осенних дождей, шумела совсем близко. Наконец Ахилло не выдержал и осторожно подвинул спальник поближе к Ерофееву, который внимательно всматривался в темноту.

– Все думаю: сунутся или нет? – шепнул тот, отодвигаясь и освобождая место для Михаила.

– Я бы на их месте рискнул...

Майор кивнул:

– Вот и я том. Ну и холодрыга! Хочешь еще спирта?

Ахилло не отказался. Горло обожгло, но тут же стало теплее. Даже темнота немного отступила.

– Говорят, у немцев есть ночные бинокли, – вздохнул Ерофеев, – на инфракрасных лучах. Полезная штука, нам бы в самую пору...

Спорить не приходилось. Время тянулось медленно, рядом все так же шумела речка, скрипели старые деревья, где-то далеко слышался крик ночной птицы. Веки стали слипаться. В конце концов Михаил попросил майора растолкать его через час и провалился в густую немую тьму.

Разбудил его сильный толчок в плечо. Широкая ладонь легла на лицо, закрывая рот.

– Тихо! – послышался шепот Ерофеева. – Кажись, гости...

Михаил, стараясь двигаться без лишнего шума, приподнялся. В темноте дом был едва заметен, но вот у входа мелькнула фигура, другая. Неизвестные вошли внутрь, сверкнул луч фонарика...

– Двое, – рассудил майор. – Кажись, с карабинами. Один пониже, совсем пацан...

Этого Ахилло заметить не сумел – очевидно, глаза Ерофеева были позорче. Тянулись секунды, прошла минута, другая. Черные тени появились на пороге. Вновь сверкнул фонарик...

– Эх, мать честная! – выдохнул майор. – Рискнем, а? Бери высокого, я – низкого. По счету три!

Ахилло поднял парабеллум. Ерофеев вздохнул и негромко произнес: «Раз... Два... Три... Давай!»

Оба выстрела слились в один. «Высокий» дернулся, но вторая пуля свалила его с ног. «Низкий» тоже упал, однако тут же вскочил и сгинул в темноте.

– Эх ты, мать твою! Ушел! Неужели промазал?..

Майор расстроился не на шутку. Он даже вскочил, желая броситься вдогон, но тут же опомнился.

– Хреново, Михаил! Первый раз с такого расстояния не попал. Может, все же подранил, а? Ведь прямо в сердце целил!

– Не расстраивайся, майор, – Гонжабов присел рядом, всматриваясь в темноту. – Этого не свалишь пульей...

– И ты еще на мою голову! – махнул рукой Ерофеев. – И с каких это чертей я его не достану?

– Он бхот, как и я. Он владеет тем же искусством...

Майор обиженно засопел:

– Смеешься, да? Он чего, музыкант? «Искусство»!..

– погоди! – остановил его Ахилло. – Вы хотите сказать, что он владеет каким-то боевым искусством?

– Это искусство не только для боя. Я заметил, как он двигался. Такому учили только у нас.

– Где это – «у нас»? – вскинулся Ахилло.

– У нас, – невозмутимо повторил бхот. – Можете разжечь костер, они не вернутся...

Тем временем Ерофеев осторожно подобрался к крыльцу, где лежало неподвижное тело.

– Готов! – сообщил он, вернувшись через несколько минут. – Прямо в голову. Вот...

Огонек зажигалки высветил окровавленную командирскую книжку и новенький наган.

Костер упорно не желал разгораться, пришлось плеснуть спирта. Наконец тьма отступила, и ладони сами собой потянулись к пламени.

– Ты, Гонжабов, готовься, рассказывать будешь про свое искусство, – велел Ерофеев. – А мы куда поглядим. Ну-ка, капитан...

Ахилло внимательно осмотрел командирскую книжку.

– Вот! – показал он. – Скрепка из нержавейки. Наша бы обязательно след оставила.

– И бумага другая, – кивнул майор. – На мелочах гансы горят! Ну чего, значит таки немцы? И вроде как нам с ними по дороге, а? Ладно, кажись самое время тебя послушать, гражданин Гонжабов.

Бхот не ответил, узкие темные глаза глядели прямо в огонь. Наконец он поднял голову:

– Попытаюсь говорить понятными вам словами... В Тибете есть монастырь, где я был когда-то монахом. В 1920-м году, если по вашему счету, его захватили повстанцы. Там был создан советский военный объект. Несколько лет назад бхоты, что там служили, подняли мятеж. Пролилась кровь. Те, что уцелели, пошли на службу в ту страну, откуда прибыли ваши враги...

– К Гитлеру, значит! – зло бросил майор.

– Тот, кого ты назвал, лишь «бейбо» – бумажная кукла. Настоящий владыка не ведом ни вам, ни мне. Он узнал, что на этой земле найден источник Голубого Света. Вы называете его излучением, мы – кровью злой колдуньи Бранг Сринмо. Дело не в словах... Среди тех, кто идет перед нами, есть бхоты.

– А если они доберутся до пещеры первыми? – поинтересовался Ахилло.

По смуглому лицу Гонжабова скользнула легкая усмешка:

– Доберутся. Доберутся – и умрут. И вы умрете. Ни бхоты, ни русские, ни немцы – не хозяева Голубого Света. Хозяева давно ушли, но оставили тех, кто из рода в род сторожит тайну. Ни их, ни вас не выпустят из пещеры. Поэтому с вами послали меня...

– Тоже мне, спаситель! – буркнул майор. – Ох, уж эти попы!..

– А по-моему, логично, – не согласился Ахилло. – Не зря же нас из Столицы сюда прислали.

Майор не стал возражать, но еще долго бурчал что-то по поводу служителей культа, поминая попа, попадью, попову дочку и весь монашій чин, от послушника до игумена.

Когда сквозь высокие кроны забелел рассвет, Ерофеев с Михаилом тщательно обыскали убитого. Одежда оказалась советского производства, зато обувь явно иностранная, как и нож, спрятанный у пояса. На груди мертвеца болталась цепочка с католическим крестиком.

– Недосмотрели – спешили, видать, – заключил майор. – Да и планер посадили далеко. Эх, сюда бы десяток моих ребят...

Теперь тропа вела в гору. Деревья расступились, следов стало больше – этой дорогой ходили и ездили чаще. Несколько раз встречались знакомые окурки – любитель «Казбека»,

похоже, не пострадал прошлой ночью. Наконец тропа нырнула в широкую долину и вновь резко пошла вверх. Слева показался ровный ряд огромных скал, возвышавшихся на сотни метров над дорогой. Они были на верном пути – у подножий гигантской Караби-Яйлы.

Вскоре встретилась развилка. Влево вела неширокая дорога с глубокими колеями от колес татарских арб. Ерофеев еще раз взглянул на карту и велел сворачивать.

...Нитку заметил Ахилло. Вначале он принял ее за паутинку, но затем опомнился и крикнул. Майор, шедший впереди, был уже в полушаге от протянувшейся через дорогу нити. Ерофеев замер, всмотрелся и негромко чертыхнулся. Нить вела к связке гранат, тщательно спрятанных у самой тропы.

Трогать «сюрприз» было опасно, но майор рассудил, что следом за ними может проехать ни в чем не повинная колхозная арба. Поэтому он приказал своим спутникам отойти подальше, а сам остался на месте. Михаил выбрал небольшую ложбинку и устроился поудобнее, заранее заткнув уши и уложив рядом Гонжабова. Потянулись долгие минуты, и вот наконец страшной силы взрыв сотряс лес. Через несколько секунд появился довольный Ерофеев, умудрившийся отделаться лишь звоном в ушах...

Теперь шли осторожно, постоянно оглядываясь. Тропа становилась все круче, наконец лес кончился, и дорога вышла на крутой каменистый склон. Впереди темнел высокий скальный венец с небольшой расщелиной посередине – воротами на Караби. Здесь, у кромки леса, перекурили, а затем, накинув рюкзаки на плечи, начали не спеша подниматься.

Серые скалы медленно приближались. Михаил, отвыкший от подобных подъемов, уже начал предвкушать близкий отдых, но внезапно простая и ясная мысль заставила его застыть на месте.

– Кондрат!

– Чего, устал, капитан? – Ерофеев повернул к Михаилу покрасневшее от напряжения лицо. – Ниче, уже близко!

– Я не о том! Место удобное. Мы как на ладони...

– Черт! И вправду...

Майор остановился, неуверенно поглядывая то на близкий проход, то на каменистый склон за спиной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.